

РЕМИ ДЕ-ГУРМОНЪ

Ц В Ъ Т А.

РАЗСКАЗЫ.

Переводъ съ французскаго
Л. ВИЛЬКИНОЙ.

Съ предисловіемъ Зин. Венгеровой.

Библиотека
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Складъ изданія

Софія, Софійскій банкъ, ул. Бенковска, 5.
Россійско-Болгарское Книгоиздательство

1920 г.

Печатница „Балканъ“

РЕМИ ДЕ-ГУРМОНЪ.

Реми де-Гурмонъ — одинъ изъ самыхъ видныхъ и самобытныхъ философовъ-моралистовъ современной Франціи. Онъ родился въ 1858 г. въ Нормандіи и принадлежитъ къ роду художниковъ, граверовъ и типографовъ XVI вѣка. Его любовь къ книгѣ и его эрудиція въ исторіи книжнаго дѣла связана съ семейными традиціями, которыми Реми де-Гурмонъ дорожить и гордится.

Въ 1883 году онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ служилъ сначала въ Національной Библіотекѣ. Въ началѣ 90-хъ годовъ Реми де-Гурмонъ сдѣлался однимъ изъ учредителей журнала „*Mercure de France*“ и съ тѣхъ поръ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ этого журнала. Тамъ онъ печатаетъ свои философскіе діалоги и очерки, романы, повѣсти и драмы, выходящіе всѣ отдѣльными изданіями.

Произведенія Реми де-Гурмона очень многочисленны. Особенно выдѣляются среди нихъ его серіи „*Promenades Philosophiques*“, его сборникъ (въ 2 томахъ) критическихъ очерковъ, „*Livre des masques*“, съ литературными портретами всѣхъ поэтовъ-символистовъ, затѣмъ книги о средневѣковой литургіи, „*Latin mystique*“ и „*Litanies de la Rose*“, драмы „*Lilith*“ и „*Theodat*“, „*Histoires magiques*“, романы „*Sixtine*“, „*Songe d'une femme*“, книги о стилѣ, „*La culture des Idées*“, „*Chemin de velours*“ и много др.

Опредѣляя писательскую индивидуальность Реми де-Гурмона и его значеніе, нужно отмѣтить религиозное міросозерцаніе, которымъ проникнуты его произведенія. Изъ немногихъ французскихъ писателей, неравнодушныхъ къ религиознымъ вопросамъ, Реми де-Гурмонъ — одинъ изъ наиболее интересныхъ. У него есть свое отношеніе къ религиозному сознанію по существу, а не только къ церковной политикѣ. Реми де-Гурмонъ — моралистъ, ненавидящій все, что принято называть моралью, мыслитель съ трезвой земной лигигой, поэтъ земли, земныхъ красокъ, и безграничности земныхъ ощущеній. Какъ въ области воображенія, такъ и въ логическомъ развѣнчиваніи идейныхъ и общественныхъ кумировъ, онъ доходитъ до предѣльной, послѣдней остроты и выдвигаетъ на первый планъ стихійно-чувственное въ человѣческихъ эмоціяхъ. Ему кажется, что кругъ земного существованія охваченъ вихремъ сладострастія.

Въ этомъ — его путь къ религиозному сознанію. Всякая идеологія чужда Реми де-Гурмону. Всякая отвлеченная мораль его отталкиваетъ. Въ своихъ философскихъ и публицистическихъ разсужденіяхъ — очень многочисленныхъ — онъ съ неумолимой логикой, съ трезво-позитивными доводами и тонкой ироніей развѣнчиваетъ дицемѣріе общественной морали и всякую сухую теоретичность. Но иронія его, равно, какъ трезвость его жизненныхъ сужденій, не мертвы; онѣ исходятъ не изъ душевнаго нигилизма. Реми де-Гурмонъ не потому ограничиваетъ содержаніе жизни чувственнымъ началомъ, что не видитъ цѣли въ духовномъ, а потому, что

онъ истинно вѣрять въ жизнь, въ радость, въ право челоѵѵка на радость, въ творческое начало радости. Миръ заключенъ для него въ тѣсное кольцо эротической страсти, и все духовное, все идейное становится для него живымъ, лишь преломляясь въ призмѣ эротизма.

Живое религиозное сознание связано для Реми де-Гурмона съ освященіемъ земной радости — и вотъ почему этотъ почти циничный философъ жизни, обнажающій во всемъ стихійно-животные инстинкты, написалъ любопытнѣйшія страницы о религиозномъ чувствѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ ближе намъ, чѣмъ многіе изъ лучшихъ писателей современной Франціи.

Реми де-Гурмонъ, художникъ и мыслитель, вмѣстѣ съ тѣмъ ученый, обладающій большой эрудиціей. Онъ знатокъ старой французской литературы; имъ изданы съ цѣнными примѣчаніями и толкованіями старинные памятники литературы. Еще недавно въ блестящемъ предисловіи къ изданію Сирано де-Бержерака онъ показалъ, какъ искаженъ образъ мятежнаго теоретика свободной личности въ столь популярной и столь пошлой драмѣ Ростана. Реми де-Гурмонъ много работалъ надъ изученіемъ стараго языка, много писалъ о языкѣ, о стилѣ. Всѣ эти ученія работы вполне соответствуютъ исходнымъ философскимъ воззрѣніямъ Реми де-Гурмона. Языкъ дорогъ ему, какъ живая плоть, какъ чувственный жизнерадостный знакъ творчества. Отъ изучения слова онъ идетъ къ изученію идей, какъ живыхъ организмовъ; онѣ ему дороги своимъ соответствіемъ кореннымъ началамъ жизни. Его философскій методъ заключается въ разложеніи всего сложно-идей-

наго на стихійныя первоосновы. Онъ, какъ химикъ, старается проникнуть въ тайну предполагаемыхъ простыхъ тѣлъ и разложить ихъ на дальнѣйшія простыя тѣла. Эту „дезинтеграцію идей“ онъ послѣдовательно проводитъ во всѣхъ своихъ отвлеченно-теоретическихъ произведеніяхъ и въ своихъ очень многочисленныхъ романахъ, повѣстяхъ, рассказахъ и драматическихъ пьесахъ. Всюду „расчлененіе идей“ доводится до основного положенія Реми де-Гурмона о превосходствѣ ощущеній, связующихъ съ тканью міра, надъ отвлеченно-духовнымъ началомъ.

Въ религіи Реми де-Гурмона привлекаетъ прежде всего плоть религіознаго сознанія — церковная обрядность. Реми де-Гурмонъ проявилъ свою ученость также въ книгахъ о церковномъ ритуалѣ старинныхъ временъ. Его книга „*Latin mystique*“ — классическій трудъ, сборникъ забытыхъ старыхъ гимновъ и драгоценныхъ памятниковъ церковнаго творчества. Всѣ эти живые знаки религіозныхъ экстазовъ, вся эта лирика чувственно мистическихъ восторговъ близки Реми де-Гурмону, воплощая для него живую радость бытія въ своемъ самомъ безграничномъ проявленіи, въ моментахъ, когда чувство жизни какъ бы переливается черезъ грань смерти.

Кромѣ ученыхъ трудовъ по исторіи литературы, кромѣ трактатовъ и церковной поэзіи, Реми де-Гурмонъ пишетъ смѣло-эротическіе рассказы и повѣсти, А въ своихъ рѣзкихъ и тонкихъ ежемѣсячныхъ „Діалогахъ“ въ *Mercur de France* этотъ философъ жизни бичуетъ всѣ логическіе абсурды современной французкой общественности. Затѣмъ онъ — еще авторъ философскихъ драмъ на сюжеты

изъ разныхъ старинныхъ эпохъ. Все это кажущееся многообразіе творчества Реми де Гурмона управляется намѣченной нами основной мыслью о правдѣ и правотѣ всего стихійно-жизненнаго, всего, что корнями своими связано съ радостью земли. Религіозное чувство входитъ въ его философскую схему и близко ему.

Три послѣднія книжки Реми де-Гурмона очень разныя, отражаютъ въ своемъ разнообразіи единство его философіи. Совсѣмъ недавно вышелъ сборникъ коротенькихъ рассказовъ (contes) подъ заглавіемъ „Цвѣта“ (Couleurs). Въ предисловіи авторъ говоритъ нѣсколько красивыхъ словъ объ этомъ родѣ художественныхъ произведеній: „Для того, чтобы написать сказку“, — говоритъ онъ, — „нужна хоть короткая иллюзія счастья... Быть счастливымъ — значитъ наслаждаться видомъ цвѣтка-или блескомъ красивыхъ глазъ. Это будитъ любопытство къ переживаніямъ другихъ существъ. Когда человѣкъ охватываетъ счастье, ему не охота оставаться дома, гдѣ живешь только желаніемъ. Рассказъ — это прогулка“.

Это эпикурейское опредѣленіе творчества вполне въ духѣ любителя наслажденій, для котораго полнота ощущеній сливается со смысломъ жизни. Рассказы въ сборникѣ „Couleurs“ иногда сводятся къ веселымъ анекдотамъ и оттънены всѣ легкой ироніей. Реми-де-Гурмонъ знаетъ анекдоты на всѣ цвѣта радуги. Желтый цвѣтъ связанъ для него съ цвѣтомъ червонца, завершающаго поэтичный романъ горожанина и крестьянки. Бѣлый цвѣтъ — полувосточная любовь дѣвочки и мальчика, которымъ

поцѣлуи кажутся не грѣховными послѣ причастія. Лиловый цвѣтъ — благочестивая старѣющая богомолка, которая пріобщаетъ къ радостямъ любви мальчиковъ, отданныхъ ей на попеченіе, и т. д. Въ другихъ разсказахъ гамма ощущеній обогащается болѣе сложными, ядовитыми сочетаніями тоновъ и красокъ. Въ очень сильномъ и хорошемъ разсказѣ, „Утреннее развлеченіе“, изображено мучительство путемъ возбужденія надежды. Гамма жестокости доведена въ игриво-ироническомъ тонѣ до послѣдней остроты.

Всѣ эти разсказы интересны, главнымъ образомъ, своей художественностью, выразительностью. Въ ироническомъ подчеркиваніи жизненно-оскорбительнаго, грубой корыстности, тамъ, гдѣ должна царить стихія страсти, житейской трезвости въ моменты искреннихъ молитвенныхъ экстазовъ и т. д. — во всемъ этомъ виденъ неподкупный свидѣтель культуры, убивающей стихійнаго человѣка. А за мелкимъ уродствомъ, на днѣ эротическихъ ощущеній, онъ видитъ искупленіе, правду и правоту жизни.

Авторъ „Couleurs“ написалъ года два тому назадъ другую книгу — „Ночь въ Люксембургѣ“ книгу безумія и религіознаго экстаза, герой которой говоритъ про себя, что онъ „опьяненъ любовью, опьяненъ божественностью“. Въ такомъ состояніи герой Реми де-Гурмона описываетъ то, что стало самымъ яркимъ днемъ въ его жизни. „Этотъ день былъ ночью“ — говоритъ онъ, — „но ночью, освѣщенной весеннимъ солнцемъ, и теперь длится эта ночь. . . или этотъ день, не знаю“.

Книга Реми де-Гурмона — дерзновенная книга, но въ ней глубоко захвачена проблема религіознаго сознанія. Осужденію мірскаго во имя святости Реми де-Гурмонъ противопоставляетъ освященіе міра. Онъ не проходитъ съ равнодушіемъ мимо высшихъ исканій духа. Напротивъ того, онъ объединяетъ экстазы религіознаго чувства съ экстазами живой земной радости. Въ этой книгѣ религіозному равнодушію современныхъ французовъ противопоставляется путь возможнаго сліянія религіозной стихіи съ правдой живой дѣйствительности.

А еще въ одной книгѣ, въ послѣднемъ томѣ „Философскихъ Прогулокъ“ Реми де-Гурмона, вышедшемъ въ прошломъ году, есть любопытный очеркъ „О жизни бога“. Въ немъ описывается знаменитый Адольфо Моно, основатель секты „мононистовъ“, мнившій себя воплощеніемъ Христа на землѣ. Реми де-Гурмонъ видитъ въ исторіи этого полубезумца, нашедшаго, однако, послѣдователей, символъ никогда не исчезающей на землѣ святости, вѣчной слитности человѣческихъ и божественныхъ возможностей. И самъ Реми де-Гурмонъ, среди неотступныхъ мыслей о земныхъ исканіяхъ и достиженіяхъ постоянно заглядываетъ вглубь этихъ ощущеній и доходитъ до религіозныхъ корней. Въ этомъ его особенность, хотя и позволяющая ему оставаться скептикомъ среди скептиковъ на своей родинѣ, но дающая ему иныя прозрѣнія.

Зин. Венгерова.

ЖЕЛТЫЙ.

Que c'est beau, le jaune!
Van Gogh.

Это было рѣшено между ними.

Въ послѣдній разъ онъ послалъ ей долгій поцѣлуй, закрывъ глаза, какъ бы въ экстазѣ, а она, опустивъ глаза, нѣжно улыбнулась.

Они никогда не говорили другъ съ другомъ.

Она жила здѣсь, недалеко. Вдоль берега рѣки и на косогорѣ, съ обѣихъ сторонъ дороги, ведущей къ холму, стояли дома — мельница, харчевня, мастерская деревянныхъ сапогъ и двѣ-три маленькія фермы съ хлѣвомъ, въ которомъ дремала повозка... Оттуда доносилось ржаніе лошадей, ругательства извозчиковъ, пѣніе пѣтуха, клокотаніе воды подъ мельничными колесами и ея шопоть у деревяннаго мостика.

Онъ жилъ тамъ же, но нѣсколько выше, за деревьями, скрывавшими горизонтъ. Вечерами, возвращаясь съ охоты, онъ останавливался на мостикѣ, смотрѣлъ на рѣку, на ивы, на траву и на узкую долину, гдѣ, передъ тѣмъ какъ умереть, солнце отдыхало нѣсколько мгновений.

Отсюда онъ ее и увидѣлъ. Она разстилала по свѣжей травѣ полотнища темнаго холста. Онъ подумалъ, что она дочь ткача, шумъ работы котораго былъ слышенъ со стороны харчевни, или служанка. Въ другой разъ она мыла бѣлье подъ тѣнью боль-

шого орѣшника, вѣтви котораго склонялись до самой воды, и разстилала бѣлье по кустарникамъ. Потомъ, прежде чѣмъ итти назадъ, она срывала нѣсколько орѣшинъ или цвѣтовъ, или же швыряла въ воду камешки. Чувствуя, что на нее глядятъ, она смѣялась, но не отвлекалась ни отъ своего дѣла, ни отъ игры.

Однажды все же она долго стояла и смотрѣла на него, грызя орѣхи съ ловкостью настоящей бѣлки.

Онъ сталъ приходить каждый день. Она или была уже тутъ, или же медленно подходила и подымала голову. Они могли бы заговорить, но молчали. Онъ бросалъ ей цвѣты, вѣтки — она не обращала на это вниманья. Онъ принесъ желтую гвоздику — она засунула ее за лифъ и безъ словъ исчезла.

Вскорѣ послѣ этого и состоялось ихъ безмолвное соглашеніе.

На слѣдующій день, сначала обмѣнявшись съ нимъ взглядомъ, она стала подниматься къ лѣску. Онъ сдѣлалъ обходъ и догналъ ее въ ту минуту, какъ она перелѣзала черезъ плетень. Ея короткая юбка приподнялась, обнажая бѣлое колѣно. Тогда онъ принялъ рѣшеніе. Эта молоденькая крестьянка была чистоплотна. Дрожь желанія охватила его.

Онъ обнялъ ее, прижалъ къ себѣ, поцѣловалъ въ губы, но она тихонько высвободилась и, согнувъ плечи, скользнула подъ вѣтви деревьевъ.

Она очутилась на крутой дорогѣ, теперь заглохшей, которая вела къ старинной каменоломнѣ. Дѣвушка шла быстро, избѣгая сучьевъ, цѣпляясь за дрокъ, жимолость, наперстянку, которые всѣ вмѣстѣ путались въ этомъ темномъ убѣжищѣ изъ песка и

камня, защищенномъ густымъ и зеленымъ плащемъ изъ ясеня и дуба..

Когда она остановилась, запутавшись въ терновникѣ, онъ догналъ ее, сталъ на колѣни, отвелъ терновникъ и обнялъ ея ноги. Но она выпрямилась и повернулась къ нему спиной. Онъ всталъ. Руки его тянулись къ ней. Онъ поцѣловалъ ея затылокъ. Онъ укусилъ ее за ухо.

Тогда она повернула голову. Глаза ея были серьезны. Она перестала отбиваться. Склонясь на руку, обвивающую ея талию, она отдавала свои губы поцѣлуямъ.

Она уступила его желаніямъ.

Вскорѣ, сидя рядомъ, они искоса оглядывали другъ друга, занятые оба одинаковыми движеніями. Она поправляла волосы, онъ завязывалъ узелъ галстука.

Она улыбалась.

Онъ задумался.

Это милое приключеніе приводило его въ восторгъ. За всю его карьеру охотника и любителя приключеній, у него рѣдко бывали столь пріятныя встрѣчи. Но до чего трудно плѣнить женщину.

Восторги его возлюбленной были весьма слабы. Она казалась болѣе смущенной, чѣмъ нѣжной, скорѣе принявшей рѣшеніе, чѣмъ отдающейся.

И все же онъ былъ очень счастливъ; полное успокоеніе охватило его. Какое очарованіе въ этой молодой дѣвушкѣ, въ наивныхъ линіяхъ фигуры. Какая она стройная. Сколько въ ней гордости, сколько простоты. Какъ любовь проста!

Онъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, ища словъ; но у него не было привычки произносить слова, въ обыкновенности нѣжныя.

Она показалась ему теперь еще болѣе красивой, еще болѣе естественной. Такого упоенія простотой онъ еще никогда не испытывалъ. Наконецъ, онъ заговорилъ, превознося очарованіе минуты, прохладу грота, свое счастье и успокоеніе.

Она неловко хлопала рукой по юбкѣ, крутила между пальцами вѣтку наперстянки, улыбалась, но не выражала никакого удовольствія.

„Мнѣ кажется, что я способенъ полюбить ее, если она окажется ласковой“.

Желая вынуть трубку, онъ ошибся карманомъ и дотронулся до кошелька.

„А!“

Онъ незамѣтно вынулъ золотую монету, взялъ руку дѣвушки и, сунувъ подарокъ, стиснулъ ей пальцы. Сейчасъ же она ихъ снова раскрыла; посмотрѣла, покраснѣла. Грудь ея вздымалась, она глубоко вздохнула и бросилась въ объятія своего друга, вся дрожа отъ нервныхъ радостныхъ рыданій.

Стоя на колѣняхъ рядомъ съ нимъ, она покрывала поцѣлуями его глаза, щеки, бороду, углы рта.

Она была счастлива.

ЧЕРНЫЙ.

Le charme inattendu d'un
bijou rose et noir.

Baudelaire.

Прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ цвѣтовъ, когда-либо видѣнныхъ Дюкло, была черная далія.

Онъ замѣтилъ ее въ общественномъ саду маленькаго нормандскаго города, гдѣ росли тюльпаны, ромашки, глициніи, грабины и апельсинныя деревья, и гдѣ рѣдкостныя растенія рядомъ съ обыкновенными казались въ самомъ дѣлѣ особенными и прекрасными.

Какъ радовала взоры клумба бѣлыхъ фіалокъ въ жаркой оранжереѣ, рядомъ съ причудливыми орхидеями! Какъ пріятна орхидея, и какъ она таинственно притягиваетъ взоры въ большомъ провинціальномъ саду, гдѣ смѣются трое дѣтей, гдѣ аббатъ, только что дочитавшій свой требникъ, обмѣнивается благочестивыми фразами съ двумя старыми дамами въ черномъ.

Этотъ садъ былъ наряженъ, свѣжъ и изященъ, какъ молодая женщина, которая вотъ-вотъ найдетъ счастье любви, ибо находятъ же трилистникъ въ четыре листа. На грядкахъ и клумбахъ со вкусомъ чередовались цвѣты, вынесенные изъ оранжерей, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, съ цвѣтами, простыми, которые спятъ на воздухѣ, — цвѣтами, которые закрываютъ на ночь глаза и открываютъ

ихъ съ восходомъ солнца, — цвѣтами, которые всегда улыбаются новой улыбкой, и съ такими, которые отдаются вполнѣ, сразу, въ одномъ страстномъ поцѣлуѣ.

Въ саду этомъ росло много деревьевъ, среди которыхъ попадались даже ясени, плакучая и красная ива на ряду съ сиренью, махровой калиной и іерихонской розой. . .

Пестрѣли поляны, бассейны, фонтаны, пруды съ золотой и серебряной рыбой. Тамъ же росли черные цвѣты.

Въ продолженіи всего лѣта, проведеннаго имъ въ этомъ маленькомъ городѣ, Дюкло каждое утро приходилъ въ аллею далій. Казалось, что онъ — какъ бы надзиратель, приставленный къ цвѣтамъ. Онъ ихъ осматривалъ, одинъ за другимъ, радостно привѣтствовалъ новорожденныхъ, оплакивалъ судьбу тѣхъ, которые умирали.

Онъ подолгу останавливался передъ кустомъ черныхъ далій. Черный цвѣтокъ — черенъ. Это кусокъ чернаго бархата, вырѣзаннаго въ формѣ цвѣтка, и больше ничего.

Черныя даліи, какъ и вообще всякія даліи, бываютъ простыя и двойныя. Двойныя даліи имѣютъ форму удлиненнаго шара; онѣ твердыя, какъ будто изъ металла или накрахмаленнаго и плоеннаго полотна. Простыя даліи имѣютъ форму солнца или чаши, и, кажется, будто онѣ съ высоты своего зеленаго стебля посылаютъ кроткое благословіе. У нихъ одинъ глазъ; въ черныхъ даліяхъ онъ почти всегда бываетъ желтаго цвѣта — золотая монета, дерзкая золотая монета посреди солнца изъ чернаго

бархата. Онѣ пугаютъ, потому что кажется, что онѣ живыя, а это противоположно природѣ цвѣтовъ; цвѣты должны быть ничѣмъ инымъ, какъ предметами, красивыми предметами.

Но черныя даліи, приводившія каждое утро Дюкло въ восторгъ въ этомъ большомъ уединенномъ саду, не имѣли глазъ; кудрявые лепестки скрещивались надъ тайной тычинокъ и пестиковъ.

„Цвѣтокъ этотъ — только представленіе, желаніе. Развѣ это цвѣтокъ?“ Однажды его ждалъ сюрпризъ. Маленькій розовый выюнокъ просунулъ свой гибкій стебелекъ между лепестковъ большой даліи и распустился въ центрѣ цвѣтка, Онъ осмѣлился зажечь среди нѣчи чернаго бархата ласку чувственного перламутра.

„... А я-то“, говорилъ онъ себѣ, „не понималъ никогда стиха Бодлера!.. Нѣтъ, это невозможно... Прощай, невинный цвѣтокъ, тревожащій миръ моего сердца... Кого мнѣ любить, ибо ты не женщина, а эта страна — пустыня для любви“

Онъ ушелъ, недовольный, опустивъ глаза, отбрасывая концомъ сапога и палки маленькіе камешки и думая о несоотвѣтствіи между мыслью и поступкомъ, о томъ, какъ вслѣдствіе этого рѣдки пріятныя осуществленія.

„Желаніе почти никогда не приходитъ во-время. Хочешь только невозможнаго: утекающей воды, пролетающей птицы, женщины, которая вошла въ домъ и закрываетъ быстро дверь. Мудро было бы не желать ничего другого, кромѣ хлѣба, который подносишь ко рту. Но еще кто знаетъ, не сожмется ли по дорогѣ горло. Лучше не желать ничего, кромѣ

исполненнаго, принимать случайное и воскрешать мгновенія, которыя были счастливыми. . .“

Чей-то крикъ прервалъ его размышленія.

Отъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой на скамейкѣ молодую женщину; приподнявъ платье, она съ безпокойствомъ ощупывала щиколодку ноги надъ бѣлымъ башмакомъ. Чулокъ былъ черный.

Дюкло былъ не изъ робкихъ. Онъ поклонился, и держа шляпу въ рукахъ, сталъ говорить объ опасности маленькихъ камней, пущенныхъ въ даль концомъ сапога. Въ то же время онъ осматривалъ строгость туалета, приведшаго его въ восторгъ. Все было на ней черное и бѣлое, исключая розовой ленты на шеѣ совсѣмъ того же оттѣнка, какъ въюнокъ, который раскрылся въ сердцѣ черной далии.

Около дамы лежала театральная тетрадка — желтая и немного грязная. Онъ привелъ это въ связь съ большою афишей, которую замѣтилъ утромъ; опьяненный еще своимъ цвѣткомъ и желаніемъ, онъ пробормоталъ, глядя на шею, которая была свѣжа, затѣмъ на матовое, золотистое лицо и на очень темные глаза:

„О, прелесть тайны розовой и черной!“

— Бѣлой, черной и розовой, — поправилъ онъ, улыбаясь.

Ему отвѣтили улыбкой, — нѣсколько принужденной.

Они заговорили о театрѣ. Когда онъ сѣлъ рядомъ на скамейкѣ, на него нисколько не разсердились.

— Какая безсмысленица! — сказала дама, свертывая тетралку.

Тогда онъ сталъ декламировать стихи :

О, музыка деревъ, о, шелестъ травъ безсон-
ный,

Баюкай мысль мою!

О, теплый вѣтерокъ, рѣкою охлажденный,
Ласкай печаль мою!

Она скоро стала смотрѣть на него нѣжными глазами.

Продолжительный свистъ. Громяхая, пронесся поѣздъ.

- Вокзалъ совсѣмъ близко, — сказалъ Дюкло.
- Надо только спуститься по небольшой лѣстницѣ.
- Передъ нами весь день, — прошептала дама.
- Я люблю васъ, — сказалъ молодой человѣкъ.
- Можетъ быть, — отвѣтила дама.
- Какъ знать!
- Какъ знать!

Какъ бы сговорившись, они встали.

Проходя мимо большой черной даліи, черной и розовой, Дюкло остановился и, показывая на цвѣтокъ, сказалъ :

— Я люблю васъ, потому что люблю этотъ цвѣтокъ — черный и розовый. Я люблю васъ, потому что вы и далія — двѣ сестры.

— А я сегодня утромъ плакала, — сказала она.
— Злоба мужчинъ. . .

— Не всѣ мужчины злые.

Они долго смотрѣли другъ на друга, потомъ взяли за руки.

— Не вы ли — судьба моя?

— Быть можетъ, — отвѣчала она.

И прибавила, какъ въ первый разъ :

— Какъ знать!

— Скорѣе, — сказала Дюкло. — Поѣздъ отходить.

Они быстро сошли по маленькой вокзальной лѣстницѣ. Они уѣхали. Нѣсколько разъ Дюкло называла свою подругу: „Моя Далія“. Она смѣялась, но иногда становилась печальной.

Они страстно полюбили другъ друга.

Черная далія съ розовымъ сердцемъ была для Дюкло вѣчной отрадой.

Большой бархатный цвѣтокъ умиротворилъ его умъ, сердце и уста. Онъ ему казался — прекрасной тайной на фонѣ бѣлаго мрамора.

СИНІЙ.

*La demoiselle bleue
aux bords frais de la source.*

Th. Gautier.

Она была принцесса. Въ качествѣ сестры королевы она жила вмѣстѣ съ нею и раздѣляла ея почести. Но воображеніе иногда рисовало ей удовольствія, менѣе пышныя, и она охотно посѣщала одну изъ своихъ фрейлинъ, мужъ которой состоялъ въ должности простаго офицера конвоя, будучи, впрочемъ, хорошо воспитаннымъ свѣтскимъ человекомъ — молодымъ, красивымъ, умнымъ и привѣтливымъ. . .

Тамъ, въ своей странѣ, принцесса была замужемъ за принцемъ, который могъ бы стать королемъ, если бы нѣсколько поколѣній исчезли въ какой-нибудь катастрофѣ. Они никогда не любили другъ друга. Впрочемъ, принцесса, которая любила иногда посмѣяться, была всегда горда и славилась своимъ холоднымъ сердцемъ. Многіе ухаживали за ней, но никто не добился благосклонности. Она то насмѣхалась надъ всѣми, то принимала ледяной тонъ. Она любила только наряжаться, играть и властвовать.

Домъ офицера нравился ей тѣмъ, что улыбка ея была тамъ равносильна приказу. Кромѣ того, она всегда выигрывала въ двадцать одинъ; а ея платья и драгоценности затмевали всѣ другія украшенія и платья. Офицеръ же не высказывалъ ей никогда иныхъ чувствъ, кромѣ глубокаго уваженія.

Будучи блондинкой, она любила матеріи синія, цвѣты синіе, сапфиры синіе, какъ ея глаза, такъ что ее, наконецъ, прозвали „синей принцессой“. Ей очень нравилось это прозвище, какъ бы взятое изъ волшебной сказки.

Однажды, слушая грустныя рѣчи своей фрейлины, она почувствовала нѣкоторое томленіе въ головѣ и тѣлѣ и сказала: „Моя душа — синяя птица“. Слово это, повторенное нѣсколько разъ, вернуло ей свѣтлое настроеніе — до того оно было красиво. Тогда она оглянулась и сказала:

— Вашего мужа нѣтъ дома, моя милая? Онъ, кажется, не выходилъ здороваться со мной?

— Вы замѣтили сегодня его отсутствіе; но вѣдь онъ всегда отсутствуетъ?

— Что вы хотите сказать?

— Его мысли всегда гдѣ-то далеко.

— Бѣдненькая! Это значить, что онъ невнимателенъ къ вамъ?

— Онъ меня больше не любитъ.

— Неужели! Какой онъ ужасный! Но я не могу этого допустить. Я не позволю, Я не хочу, чтобы вы, мой другъ, были несчастны. Я сдѣлаю ему внушеніе.

— Ахъ, принцесса. Неужели вы думаете, что можно приказать сердцу?

— Конечно. Развѣ со мной, принцессой, совѣтовались, выдавая меня замужъ? Мнѣ велѣли любить моего мужа, и — я его любила.

— Долго ли?

— Да я любила бы его всю жизнь, если бы онъ только хотѣлъ. Онъ самъ не захотѣлъ.

— Вотъ видите.

— Онъ не хотѣлъ или, быть можетъ, не могъ. Замужество не доставило мнѣ никакого удовольствія; онъ упрекалъ меня въ холодности, и я плакала. Съ этой минуты мы никогда не видались безъ свидѣтелей. Вначалѣ я страдала, а потомъ — научилась цѣнить спокойствіе одинокихъ ночей. Я съ радостью веду жизнь дѣвушки.

Но послѣ моего печальнаго опыта я стала еще менѣе понимать игры, драмы и комедіи любви... А васъ забавляетъ ритуаль брачной жизни?

Фрейлина посмотрѣла на свою госпожу съ почтительной и грустной ироніей

Потомъ она сказала:

— Боюсь, что мужъ мой скрываетъ отъ меня какую-то свою любовь или влюбленность.

— Влюбленность? — произнесла принцесса. — Красивое слово.

— Влюбленность, вѣдь, серьезное чувство, не правда ли?

— Конечно. Влюбленность проходит, а любовь остается. Но я не знаю. . .

— Быть можетъ, его отдаляетъ отъ меня настоящая любовь. Очень этого боюсь.

— Я почти ничего не понимаю во всемъ этомъ, — сказала принцесса, — но хотѣла бы видѣть васъ столь же счастливой, какъ я сама. Мнѣ для счастья достаточно мимо бѣгущей жизни, которую я вдыхаю полной грудью. Вамъ же нужна любовь, а потому я попытаюсь помочь вамъ. Слово принцессы тронетъ его сердце. . . Но вотъ что, милый другъ, ужъ не меня ли онъ обожаетъ?

— Увы! быть можетъ.

— Почему увы? Если меня, вы спасены.

Въ эту минуту явился офицеръ и подошелъ къ принцессѣ съ поклономъ.

— Послушайте, — сказала она ему, — я приму васъ въ шесть часовъ во дворцѣ, въ частной аудиенціи.

Съ этими словами она встала и вышла.

Всѣ послѣдовали примѣру принцессы, а супруги остались съ глазу на глазъ, оба весьма взволнованные.

— Такъ вотъ, — сказалъ мужъ, — это вы разсердили принцессу? Вамъ я обязанъ этой немилостью?

— Немилостью? Какъ, дама вашего сердца хочетъ васъ принять наединѣ, а вы еще жалуетесь?

Сперва онъ не зналъ, что отвѣтить, потому что въ первый разъ жена его намекала на чувства, которыя онъ, казалось ему, успѣшно скрываетъ отъ всѣхъ въ глубинѣ своего сердца.

— Дама моего сердца, — повторилъ онъ рѣзко, — моя карьера, и вы, по всей вѣроятности, разбили ее своей болтливостью.

— Я не болтлива.

— Вы глупы.

— Ахъ, оставьте меня, вы не стоите того, чтобы васъ любили.

Она убѣждала, преисполненная печали и гнѣва. Но, несмотря на всѣ разсужденія, она надѣялась, что вмѣшательство принцессы увѣнчается успѣхомъ, и конецъ дня она провела въ тихихъ слезахъ.

Офицеръ обожалъ принцессу тайно и безнадежно. Будучи въ одно и то же время и робкимъ, и рѣзкимъ, онъ сохранялъ всю робость для своего божества, а всю рѣзкость для жены. Но поступая грубо, онъ испытывалъ стыдъ; робость же заставляла его сильно страдать. Онъ почти всегда былъ несчастенъ. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ искать утѣшенія въ честолюбіи. Онъ провелъ весь день, исполняя самыя унижительныя порученія любовницы короля, обезпокоенной поведеніемъ своего второго любовника, котораго она недавно прогнала.

Въ обмѣнъ на короткую записку, онъ долженъ былъ получить приказъ о назначеніи его капитаномъ. Записка эта находилась въ его портфель, и ровно въ шесть часовъ онъ долженъ былъ вручить его фавориткѣ.

Любовь, любопытство, безпокойство одержали верхъ надъ внушеніями честолюбія.

Онъ принарядился, надушился и побѣждалъ на аудіенцію, говоря про себѣ. „А вдругъ это — свиданіе“.

Принцесса, вмѣсто того, чтобы заставить себя ждать, ждала сама и не безъ нетерпѣнія. Она была еще красивѣе и блѣднѣе обыкновеннаго, глаза ея блестяли. Лицо ея было нѣжно, какъ бѣлая сирень подъ листвою, но листва эта была бѣлокурая: ея волосы были приведены въ искусственный безпорядокъ, и нѣсколько локоновъ падало на ея плечи.

— Подойдите, — сказала она томнымъ голосомъ, — подойдите. Сядьте здѣсь, рядомъ со мной. Я больна и могу говорить только шепотомъ. И къ тому же васъ принимаетъ другъ вашей жены, не принцесса. Такъ вотъ: я замѣтила, что вы перестали любить Елизавету, и это меня огорчаетъ. Правда ли, что вы ея больше не любите?

— Увы!

— А чувство долга, чести?

— Чести?

— Да, вы клялись не только въ супружеской вѣрности, но и въ вѣчной нѣжности. . .

— Она вѣрила мнѣ. . . Быть можетъ, я и самъ вѣрилъ. . .

— Нехорошо оставлять ее и безжалостно мучить. . . Я увѣрена, что въ эту самую минуту она проливаетъ слезы. . .

— Я не жестокъ съ нею. . .

— Такъ общайте мнѣ не причинять ей больше страданій. . .

— Намѣренно я не заставляю ее страдать.

— Хорошо. Но общайте мнѣ больше; общайте. . .

Она, казалось, была подавлена печалью и говорила столь тихимъ голосомъ, что офицеръ долженъ былъ близко къ ней наклониться, почти касаясь ея волосъ. Хотя онъ и былъ приученъ къ непрерывному притворству придворныхъ, но все же сильно страдалъ. Любить принцессу издали казалось ему сладкой мукой въ сравненіи съ тою пыткой, которую въ эту минуту причиняло ему желаніе. Будь это другая женщина, онъ бросился бы на колѣни или убѣжалъ. Съ принцессой же надо было оставаться, молчать и слушать ея приказанія, какъ вѣрный своему долгу солдатъ.

— Общайте мнѣ, — снова начала принцесса, — быть съ нею добрымъ, быть весьма добрымъ, любить ее. . .

Офицеръ не отвѣчалъ.

— Вы общаете? . .

Онъ попрежнему молчалъ.

— Такъ это невозможно? Нежду вами все кончено? Вы можете ее упрекнуть въ чемъ-нибудь серьезномъ?

— Я ни въ чемъ не могу упрекнуть ее. Я ее больше не люблю, вотъ и все.

— Такъ пусть она, по крайней мѣрѣ, этого не замѣчаетъ.

— Я надѣялся, что она этого никогда не замѣтитъ.

— Значить, можно перестать любить женщину безъ того, чтобы она это замѣтила.

— Трудно, и у меня для этого не было достаточнаго умѣнія. Легко, увы, другое: любить женщину безъ того, чтобы она это замѣтила.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣренъ. Та, которую я люблю, никогда не догадывалась о моей любви и никогда не догадается.

— Господинъ офицеръ, — сказала принцесса, — господинъ военный, вы ведете себя, какъ ребенокъ. Та, которую вы любите, знаетъ о вашей любви...

— Неужели? — произнесъ онъ недовѣрчиво.

— И сама васъ любитъ, — прибавила принцесса, протягивая ему обѣ руки.

Все еще неувѣренный, взволнованный, съ трудомъ дыша, онъ бросился къ милостиво протянутымъ рукамъ.

— Цѣлуй ихъ, дитя, — сказала принцесса, — цѣлуй меня, ты, который меня любишь, ты, который такъ долго желалъ меня въ тайнѣ своего сердца. Обними свою синюю принцессу, обними свою любовь.

На другой день, утромъ, горничная принцессы говорила своей госпожѣ:

— Барыня, у васъ синякъ на груди!

— Я не удивляюсь. Это знакъ. — И какой онъ странный! То онъ здѣсь, то тамъ. То показывается, то исчезаетъ. Теперь онъ на груди, на сердцѣ. . .

— Можетъ быть, поэтому, барыня, васъ зовутъ синей принцессой? — продолжала наивная дѣвушка.

— Пойди посмотри, гдѣ моя фрейлина. . .

Оставшись на одно мгновеніе одна, принцесса съ волненіемъ всматривалась въ синій знакъ:

„Господи! какъ я счастлива!“ — думала она. — „Какая я ловкая! И какъ глупа моя подруга! Довѣрять другому свои любовныя огорченія! Бѣдная Аріана, безъ тебя я, быть можетъ, никогда бы ни о чемъ не узнала. Взгляды его, которые я принимала за знакъ горячей и почтительной привязанности, были взглядами любви. . . Но вотъ она! . . .“ Фрейлина вошла, чрезвычайно взволнованная.

— Ахъ, принцесса. Онъ вернулся только въ четыре часа утра! Я потеряла голову. Все погибло.

— Ахъ, Господи! Вы никогда не станете разсудительной. Напротивъ, все устроено.

— А! Благодарю.

— Выслушайте меня. Я исповѣдала его. Это было не легко и продолжалось долго. Въ концѣ концовъ, я узнала правду. Ничего серьезнаго, простая влюбленность. Вашему мужу вскружила голову — маленькая актриса безъ выдающагося таланта. Такихъ, какъ она, берутъ, бросаютъ и снова берутъ. Она прошла уже черезъ многія руки; и мой мужъ тоже состоялъ въ ея друзьяхъ. . . Вы видите, все свои люди... Такъ вотъ. Актриса почти никогда не бываетъ свободна втеченіе дня. Ея свобода начинается въ тотъ часъ, когда свобода другихъ женщинъ прекращается, въ полночь. Поэтому я рѣшила, что вашъ мужъ будетъ дежурить во дворцѣ каждый день отъ двѣнадцати до четырехъ утра.. Конечно, онъ получитъ награду, ибо это весьма утомительно... Его будущее обезпечено и также его счастье... Онъ честолюбивъ? Да? Отлично. Ему бы хотѣлось получить титулъ? Орденъ? Прежде всего я прикомандирую его къ своей особѣ. Какъ только

онъ получить возможное повышение, черезъ шесть мѣсяцевъ, черезъ три мѣсяца онъ будетъ моимъ адъютантомъ, моимъ секретаремъ. Оставляя меня онъ будетъ только для того, чтобы ухаживать за вами, счастливая супруга. Мы сбережемъ его только для насъ двоихъ...

— Какъ вы добры!

— Да?

— Вы — сама доброта.

— А вы красивы, и это важнѣе всего.

— Красива! Красивѣе васъ не бываетъ.

— Вы мнѣ льстите! Мнѣ тридцать лѣтъ, а вамъ двадцать пять... Увы! Я отъ всего отказалась. По крайней мѣрѣ, вы будете любить меня.

— Я всегда любила васъ. А теперь буду обожать. Моя жизнь принадлежитъ вамъ до смерти. Я буду предана вамъ, и, надѣюсь, мой мужъ также.

— Я тоже надѣюсь. Я, быть можетъ, спасла его отъ большой опасности, отъ несчастной любви, ибо какія радости могъ онъ обрѣсти въ приключеніи, на которое онъ пустился?

— Когда онъ придетъ въ себя, то будетъ вамъ безконечно благодаренъ... Вчера вечеромъ, т. е. сегодня утромъ, онъ былъ страшно взволнованъ. . . Когда онъ вернулся, я думала, что онъ пьянъ. Онъ смотрѣлъ на меня безумными глазами. Войдя въ свою комнату, онъ заперся на ключъ, и я слышала, какъ онъ кричалъ: А! А! А...

— Ничего другого онъ не говорилъ?

— Кажется, нѣтъ. Онъ не болтливъ.

— Великолѣпная черта. Что сказали бы вы о мужѣ, который дѣлалъ бы вамъ оскорбительныя признанія?.. Есть такіе... Мой, на примѣръ..

— Вы были очень несчастны?

— И да, и нѣтъ. Я больше объ этомъ не думаю. Настоящее наполняетъ мое сердце блаженствомъ... Создавать счастье тѣхъ, кого любишь и кто тебя любитъ — можетъ ли что-нибудь на свѣтѣ сравниться съ этимъ?

— Вы божественны!

— И меня обожаютъ?

— О, да!

— Милый другъ!

Она позволила взять свою руку, которую фрейлина покрывала поцѣлуями.

„Одинъ поцѣлуй на другомъ,“ думала она, „но послѣдніе не стираютъ первыхъ. Ваши губы, бѣдная парочка, еще страстно встрѣчаются, но на моей рукѣ... Какъ это странно!“

— А! — продолжала она громко, — теперь, когда вы увѣрены, что рано или поздно вернете свое счастье, я надѣюсь, вы будете осторожны. Судя по полученнымъ мною признаніямъ, брачныя радости немного пріѣлись вашему мужу. Мужчины не любятъ, когда ихъ просятъ...

— О, между мужемъ и женой... Все равно, я буду осторожна, великодушный другъ...

— Болѣе великодушный, чѣмъ вы предполагаете, ибо мужъ вашъ, въ сущности, весьма обольстительнень. Онъ молодецъ, моложе меня, красивъ, гордъ, страстенъ...

— Былъ...

— Онъ и теперь такой же, не сомнѣвайтесь; вы скоро это замѣтите. Если бы я не отказалась отъ всего, если бы я не была принцесой... На нашемъ мѣстѣ я ревновала бы...

— Ахъ, Господи. Я слишкомъ хорошо знаю ваше сердце.

— Значить, вы вернетесь домой, полная надежды? Еще немного грустная?

— Еще не много...

— Но тучи расходятся, небо снова становится синимъ.

— Да.

— Синимъ, какъ моя душа, нѣжный другъ, какъ мое сердце.

И она прижимала пальцы къ своей груди, къ мѣсту, гдѣ былъ синій знакъ, столь пріятный! для ея влюбленности.

КРАСНЫЙ.

Cum vere rubenti candida
venit avls.

Виргилій,

Она уже возвращалась, неся въ рукахъ тяжелыя ведра съ молокомъ; деревянные башмаки были мокры отъ росы, и низъ юбки холодиль тѣло. Когда показалось солнце, красное, среди утренняго тумана, она подумала:

„День будетъ хорошій.“

Она думала объ этомъ долго, обходя придорожный камень, чтобы не пролить молока на вы-

сокую плачущую и наклоненную траву, потому что ногамъ ея было въ самомъ дѣлѣ холодно.

„День будетъ очень хорошей.“

Она продолжала идти, и прошла черезъ поле, поросшее дикимъ терновникомъ, по широкой дорожкѣ, идущей прямо, нарочно проложенной служащими на фермѣ. Туманъ разсѣялся, очарованный солнцемъ, вознесся, по всей вѣроятности, туда, откуда онъ незамѣтно упалъ, въ видѣ свѣтлой росы, свѣжаго покрова, который звѣзды братски кидаютъ на плечи жаждущей земли.

Она подумала еще :

„Будетъ очень жарко.“

Затѣмъ стебель гречихи, оброненный птицей, подсказалъ ей мысль: „Пора молотить гречиху.“ Мысль эта доставила ей удовольствіе потомъ стала мучить, ибо лѣто было мокрое, и если гречиха созрѣла, то нужно ее молотить скорѣе. Надо спѣшить домой, скорѣе сдать молоко, подсыпать курицамъ корму и сдѣлать еще столько дѣлъ, что отъ одной мысли о нихъ сжималось сердце.

Она шла такъ быстро, что немного молока вылилось изъ ведра и попало на ея деревянный башмакъ. Она остановилась и поставила ведра на землю; ей хотѣлось немного отдохнуть, хотя ее и мучили угрызения совѣсти; затѣмъ она подняла вверхъ свои красивыя руки, позлащенные огнемъ солнца, чтобы дать имъ отдохнуть.

Вдругъ она вскочила, почти поблѣднѣвъ, и приложила руку къ сердцу. Ей не было страшно. Ее только удивилъ первый звукъ выстрѣла въ этомъ году.

Въ ту же минуту она увидѣла облако дыма. Мелькнуло крыло. Раненый рябчикъ упалъ въ чашу дикаго терновника.

— Эй, Томъ, — произнесъ чей-то голосъ. — Ищи! Аппортъ!

Собака бросалась по дорожкѣ, езадъ и впередь встревоженная, не рѣшаясь вступить въ опасный лѣсъ. Голосъ, все болѣе требовательный и гнѣвный, приближавшійся къ нимъ, повторялъ приказаніе, и Томъ, опустивъ хвостъ, пришелъ искать убѣжища подъ юбками молодой дѣвушки, которая нагнулась, чтобы погладить и ободрить собаку.

— Не ласкайте ее, а лучше побейте! — крикнулъ голосъ.

Онъ принадлежалъ молодому человѣку, который появился, стоя на плетнѣ, на фонѣ вѣтвей.

Служанка встала, посмотрѣла, покраснѣла. По звуку голоса она не узнала, отецъ ли это или сынъ. Она думала, что отецъ; она желала этого, потому что презрительное отношеніе этого высокаго молодого человѣка, который никогда не обращался къ ней ни съ единымъ словомъ, было ей неприятно.

Она покраснѣла и смутилась, но не могла опустить глазъ.

Она ощущала восторгъ и чувствовала себя готовой броситься на колѣни.

Приказаніе повторилось, но собака притворилась мертвой.

Тогда, съ голыми ногами и руками, она пошла прямо въ колючій кустарникъ. Она шла вся въ крови, почти не ища дороги, быстро, удерживая слезы.

Доставъ рябчика, она бросила его въ пасть Тома.

Молодой человекъ, все еще стоявшій между деревьевъ, надъ моремъ жестокаго терновника, сдѣлалъ ей дружескій знакъ, потомъ соскочилъ и пошелъ впереди своей собаки.

Она же, не отвѣчая, быть можетъ, даже не замѣтивъ дружескаго знака, которымъ вознаградили бѣдную служанку, согнула еще разъ подъ коромысломъ свои молодые плечи, и ведра съ молокомъ, сохраняя равновѣсіе, повисли вдоль красныхъ рукъ.

Она шла, ни о чемъ больше не думая, кромѣ чего-то темнаго и глубокаго, чего ея разумъ не могъ постичь.

Ноги ея были исцарапаны въ кровь, пальцы также, а вокругъ правой руки шла широкая царапина, на подобіе браслета.

„Это, навѣрное, ежевика“.

Терновникъ колетъ, но не царапаетъ.

Однако, ведра съ молокомъ казались ей болѣе легкими. Она шла быстро, насколько ей позволяла ея неустойчивая ноша.

Какой-то человекъ, встрѣтившійся у фермы, посмотрѣлъ на ея руку.

Она покраснѣла. Позже, когда она передавала свое молоко, ей стало не по себѣ.

Пурпуровый браслетъ стягивалъ ей руку, но она чувствовала боль въ самомъ сердцѣ.

Томъ побѣждалъ къ ней. Она испугалась.

„Опять начнется“, говорила она себѣ, обезумѣвъ отъ волненія.

Задыхающаяся, но радостная собака легла у ея ногъ. Взявъ миску, она налила ему немного молока. — Вы балуете его, сказалъ молодой человекъ,

подойдя къ ней. — Я вѣдь говорилъ вамъ, что его слѣдуетъ скорѣе побить.

Она нашла слова, чтобы сказать:

— Бить вашу собаку!

— Конечно. Если бы я былъ одинъ, рябчикъ такъ и остался бы въ кустахъ.

— Вы не оцарапались? О! на рукѣ у васъ кровь!

Она была такъ счастлива, что уже не чувствовала своей радости. Она очутилась гдѣ-то въ другомъ мірѣ. Она была женщиной, стоящей передъ лицомъ мужчины.

— Покажите.

Она протянула свою розовую золотистую руку и тотчасъ отдернула ее; ея грудь дрогнула подъ грубыми складками полотна. Молодой человекъ почувствовалъ искушеніе, но сдержался.

— Не говорите ни слова. Но я не хочу, чтобы знали, что я встрѣтилъ васъ въ кустахъ.

Онъ ушелъ, отлично зная, что будетъ.

На слѣдующее утро, когда подымалась роса, и Томъ выслѣживалъ вчерашнихъ рябчиковъ, неожиданный крикъ, нѣжный и болѣзненный, раздался межъ сухихъ травъ около поля съ дикимъ терновникомъ, тамъ, гдѣ начиналось мѣсто, поросшее верескомъ...

Какъ и вчера, служанка вернулась съ коромысломъ на плечахъ, съ отвисающими руками, подерживая ведра съ молокомъ. Она не останавливалась по дорогѣ, хотя была очень утомлена и разстроена. Она передала свое молоко, какъ всегда,

съ неясными мыслями. Но, окончивъ работу, она усѣлась на скамью и стала смотрѣть на свою руку.

Рядомъ съ кровавымъ браслетомъ на рукѣ былъ красный слѣдъ бѣшено впившихся зубовъ.

ЗЕЛЕНЫЙ.

Un regard vert...

R. G.

Послѣ восьми дней молчанія, гордо устоявъ противъ пытки одиночнаго заключенія и хитростей допроса, Катерина, обвиненная въ отравленіи своей хозяйки, госпожи В., заговорила и сказала вотъ что.

— Ну, что жъ, да, это сдѣлала я, и все же я не виновна. Я жила съ ней одна, и у нея былъ такой злой характеръ, что никто вотъ уже около шести мѣсяцевъ не могъ пробыть съ ней болѣе двухъ часовъ подъ рядъ, и то только по утрамъ. Слѣдовательно, кромѣ меня, обвинять некого. Я долго размышляла, пока это поняла. Вначалѣ я надѣялась спастись тѣмъ, что не буду говорить ни слова, что буду стоять передъ вами и передъ всѣми судьями безмолвной, какъ бы мертвой. Но я поняла также, что мое молчаніе осудить меня. Только сегодня утромъ, когда я проснулась, все стало мнѣ ясно. До этого времени мнѣ казалось, что я живу среди какой-то тяжелой ночи, и я думала, что, можетъ быть, меня оставятъ, забудутъ. Когда вы приказали привести меня, я слушала ваши слова, не понимая ихъ; но я улыбалась, кажется, потому, что мнѣ пріятно было услышать человѣческой голосъ.

Вѣроятно, въ эту ночь все разрѣшилось въ моей головѣ безъ моего вѣдома. Я вамъ расскажу всю эту исторію такъ, какъ она произошла. Я не виновна.

Кромѣ того двусмысленнаго положенія, которое она занимала, въ Катеринѣ не было ничего вульгарнаго. Ея должность была нѣчто среднее между компаньонкой и служанкой. Раньше она была учительницей, происхожденія была скромнаго, но благороднаго. Роста она была высокаго, блѣдная, ея темные волосы были съ рыжеватымъ отливомъ, а глаза — зеленые. Когда она вызывающе подняла голову, слѣдователь посмотрѣлъ на ея зеленые глаза съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Зеленые глаза, — сказалъ онъ самъ себѣ, — глаза кошки, глаза чудовища. — Она опустила вѣки, ожидая какого-нибудь отвѣта; затѣмъ подняла ихъ съ вопросительнымъ видомъ.

„Зеленые, но красиваго зеленаго цвѣта, нѣжнаго и глубокаго,“ думалъ слѣдователь. „Глаза любовницы... Очевидно, въ этой исторіи замѣшанъ мужчина... Она хочетъ спасти своего любовника. Что она любить, объ этомъ говорятъ ея глаза; что она любитъ — ручается ея красота. Какая нелѣпость — правосудіе, и что людямъ за дѣло до исчезновенія старой женщины, если оно придало выраженіе счастья этимъ далекимъ глазамъ. Какъ они должны быть прекрасны, когда становятся безумными... А! я самъ становлюсь безумнымъ...“

Онъ сдвинулъ брови и просто сказалъ:

— Я слушаю васъ.

Отлично сознавая впечатлѣніе, производимое ею, какъ женщиной, Катерина сдѣлалась еще болѣе женственной.

— Два года тому назадъ я поступила къ госпожѣ В. въ качествѣ компаньонки и сейчасъ же увидѣла, что меня будутъ заставлятъ, по крайней мѣрѣ, большую часть времени исполнять и болѣе скромную работу. Горничныя рѣдко выживали болѣе одной недѣли; ссоры, подозрѣнія, непрерывное дурное расположеніе духа дѣйствовали убійственно на прислугу. И я, претерпѣвъ свою долю жестокаго обращенія, думала сначала кинуть мѣсто; но я стала замѣчать, что хозяйка немного боится меня, и что, въ сущности, при нѣкоторой ловкости, я смогу съ ней справиться. Я осталась. Въ послѣднее время я приглашала бѣдную сосѣдку для грубой работы и такимъ образомъ управляла домою одна, безъ помощи другой прислуги.

Такъ я обрѣла нѣкоторое спокойствіе; дѣло дошло даже до того, что я смѣялась въ отвѣтъ на обращенныя ко мнѣ грубости. Никогда хозяйка не говорила со мной иначе, какъ въ высококомѣрномъ и дерзкомъ тонѣ; но я не отвѣчала, и это проходило безъ послѣдствій. Я могла переносить такую жизнь въ ожиданіи лучшей, потому что я часто отлучалась. . .

— Вы ходили къ вашему любовнику?

— Да, я ходила каждый день къ моему любовнику и я снова буду ходить къ нему каждый день, если вы мнѣ позволите. . .

Зеленые глаза сдѣлались сразу такими нѣжными и жгучими, что слѣдователь не осмѣлился

глядѣть въ нихъ, боясь ихъ блеска. Онъ опустилъ голову и сказалъ :

— Прошу васъ, продолжайте.

Онъ игралъ карандашемъ, рисуя что-то на большомъ бѣломъ листѣ бумаги.

— Я остановилась, — продолжала спокойно Катерина, — на главѣ о подозрѣнiяхъ. Кушанья намъ приносили готовыми, но, конечно, я распредѣляла ихъ. Они проходили черезъ мои руки, и я за нихъ отвѣчала. У насъ были разные вкусы, и она требовала, чтобы я дѣлала для себя отдѣльныя блюда. Это и привело къ моему горю — а также и къ ея бѣдѣ, — прибавила Катерина съ жестокостью въ голосѣ.

— Какимъ образомъ ?

— Она стала бояться, бояться. . .

— Бояться того, что должно было потомъ случиться? . . .

— Да, бояться того, что должно было роковымъ образомъ сбыться, что приуготовила она сама, если не собственными руками, то своими словами. Внезапно она отодвигала свою тарелку и кричала: „Катерина, вы хотѣли отравить меня“. Я спокойно отвѣчала: „Я никогда объ этомъ не думала, вы это отлично знаете“. Она продолжала: „Тогда съѣшьте это“. И я соглашалась взять кусокъ изъ ея отодвинутой тарелки. Удовлетворенная госпожа В. продолжала свою ѣду, шепча: „Ну что жъ, значить не на сегодня“. Слова эти, столь часто повторяемая, дѣйствовали на меня, какъ приказанiе. Я слышала ихъ ночью во снѣ, а часто даже и наяву. Надо было бѣжать. Увы! Я осталась! Къ тому времени у меня

явилось много сильныхъ огорченій. Мой любовникъ заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать изъ Парижа. Я сошла съ ума, если только неотступность одной мысли можно назвать сумасшествіемъ. И однажды утромъ я стала повторять, какъ неотступный призывъ: „Сегодня! это будетъ исполнено сегодня!“

Слѣдователь вынулъ часы и вдругъ всталъ.

— Мы къ этому еще вернемся, потомъ... Успокойтесь! . . Не говорите больше ни слова. . .

Два часа спустя, наединѣ съ Катериной, въ ея камерѣ, слѣдователь говорилъ ей:

— Дитя мое, противъ васъ нѣтъ другихъ уликъ, кромѣ вашихъ возможныхъ признаній. Я поэтому не буду больше васъ допрашивать. Когда-нибудь вы мнѣ сами все расскажете.

— Когда-нибудь? — произнесла Катерина. — Развѣ вы думаете, что мы увидимся?

— Я хотѣлъ бы увидѣть васъ. Развѣ я не былъ съ вами добрѣ? Дитя мое, я говорю, не хвастая: если я не спасаю васъ отъ смерти, то, безъ сомнѣнія, спасаю отъ тюрьмы и, навѣрное, отъ безчестія. Развѣ я не стою вашей благодарности?

— Жизнь моя, — сказала Катерина, — стояла такъ мало. А теперь! Меня пугала тюрьма — свобода меня также пугаетъ.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Васъ ждетъ вашъ любовникъ, — сказалъ слѣдователь, и голосъ его слегка дрожалъ.

— Развѣ я плакала бы, если бъ меня ждалъ любовникъ? — сказала Катерина.

— Такъ я могу васъ любить. Хотите, чтобы я любилъ васъ?

— Развѣ я могу запретить ?

— Благодарю. Но вы будете любить меня ?

— Я, я . . . Я, можетъ быть, могла бы васъ любить, если бы вы осудили меня изъ ревности, чтобы разлучить съ моимъ любовникомъ . . .

— Но я зналъ, что у васъ нѣтъ уже любовника. Судебнымъ слѣдователямъ многое извѣстно . . .

— Онъ умеръ, и смерть его доказала мнѣ, что онъ меня обманываль . . . Оставьте меня, оставьте меня одну . . .

— Я приду къ вамъ, вы расскажете мнѣ конецъ вашей исторіи . . . Но здѣсь, — продолжалъ онъ шопотомъ, — больше ни слова. Вы получите завтра адресъ дома, гдѣ васъ ждутъ.

Онъ сдѣлался обладателемъ улыбки околдовавшихъ его глазъ и бѣлаго, нѣжнаго тѣла Катерины. Она была пріятной любовницей, но безконечно задумчивой; казалось иногда, что она сдѣлалась статуей мечты. Пробужденная, она брала руку, которая касалась ея плеча, и цѣловала ее.

Никогда между ними больше не было вопроса о концѣ исторіи. Слѣдователь зналъ его. Онъ зналъ, что преступленіе было слѣдствіемъ властнаго слова, котораго не надо было произносить.

Однажды онъ попросилъ пить.

— Никогда, — сказала Катерина, — вы не будете ни пить, ни ѣсть у меня. Никогда.

— Ты не любишь меня, — сказалъ слѣдователь.

— Я, быть можетъ, не достаточно люблю тебя, чтобы вѣрить въ твою любовь.

- Чего же тебѣ нужно, дитя мое ?
 — Забвенія. . . Хочешь пить, теперь ?
 Онъ не отвѣчалъ.
 — Вотъ видишь, — сказала Катерина.

КРАСНО-ФИОЛЕТОВЫЙ (ЗЕНЗОЛИНОВЫЙ).

D'une lumière zinzoline. . .
Scarron.

Разговоръ шель о цвѣтахъ, и молодыя женщины высказывали свои вкусы, нисколько, впрочемъ, не оригинальные. Одна любила розовый цвѣтъ, другая — голубой. Третья хвалила блѣдно-зеленый, а четвертая предпочитала красный.

— А вы, Алэнъ ? — спросила Голубая.

— Я, какъ мужчина, — сказалъ Алэнъ, — осужденъ носить темные цвѣта : черный, сѣрый и коричневый. Я не мечтаю, какъ вы, о блестящихъ опереньяхъ. Все же, если бы мнѣ было дозволено имѣть такое желаніе, я хотѣлъ бы носить одежды зензолиноваго цвѣта.

Всѣ приснули со смѣха, чтобы скрыть свое невѣжество.

— Развѣ, — продолжалъ Алэнъ, — вамъ это слово кажется некрасивымъ ?

Ему не отвѣчали. Тогда молодой человѣкъ продолжалъ :

— Не хочу васъ обманывать. Слово красиво, но цвѣтъ ужасенъ. Представьте себѣ нѣчто красно-фіолетовое, цвѣта потертаго фіолетоваго бархата, въ которомъ сквозить основа мутно-краснаго цвѣта.

— Вы смѣетесь надъ нами. Какъ вамъ не стыдно!

— Я не смѣюсь. Я люблю это слово, потому что оно красиво, быть можетъ, потому, что оно напоминаетъ мое имя, въ особенности потому, что оно риѣмуетъ съ твоимъ, моя Алина, цвѣта зензолина.

И онъ страстно поцѣловаль сестру, которая запротестовала:

— Нѣтъ, я не зензолиновая, не хочу быть зензолиновой.

— Но, любя это слово,—продолжалъ Алэнь,— я не люблю цвѣта, который оно обозначаетъ, и если бы моя Алина стала бы въ самомъ дѣлѣ цвѣта зензолина, я бы не такъ любилъ ее.

— Гадкій,—сказала Алина.

— На нѣсколько минутъ! — сказалъ Алэнь.

Та, которую звали Голубой, была сирота. Дочь ближайшей подруги матери Алэна и Алины, она маленькой дѣвочкой вступила въ ихъ домъ, гдѣ выросла, хотя все-таки чувствовалось, что она не совсѣмъ своя. Ея характеръ отдалялъ ее отъ пріемныхъ родныхъ. Она была мрачная, они были радостные. Она какъ будто боялась жизни, они же съ радостью погружались въ нее, и молодые, и старые, какъ въ теплый океанъ. Ни тѣ, ни другіе не обладали большой волей. Полина (это было ея настоящее имя), наоборотъ, была всегда въ состояніи нравственнаго напряжения, и если ей и случалось вслухъ со всѣми разсмѣяться, она сразу останавливалась, какъ только приходила въ себя. Философъ нашель бы въ этомъ ребенкѣ страсть къ страданіямъ, которую священники такъ часто экспло-

атировали у женщинъ. Страсть эта часто встрѣчается у женщинъ, и мужчины почти всегда ее любятъ, ибо гордость ихъ этимъ польщена, или же проще — потому, что они находятъ жажду страданій вполне естественной. Такихъ женщинъ трудно приручить, ибо онѣ весьма мнительны и очень боязливы. Часто ихъ считаютъ злыми, хотя онѣ только робки. Болѣе совершенныя въ умѣнїи страдать, онѣ хотятъ не нравиться такъ же страстно, какъ другія хотятъ нравиться; но у нихъ при этомъ всегда есть на то тайная причина, и когда эту причину отгадаешь, становишься ихъ повелителемъ.

Полина была ни дурна, ни красива. Когда черты ея нѣсколько сосредоточеннаго лица освѣщались улыбкой, она становилась привлекательной. Глаза ея могли бы говорить, если бы она не наложила на нихъ обѣтъ молчанія. Она была небольшого роста, не худа, довольно легка, а ея очень густые волосы были каштановаго цвѣта, того неуловимаго оттѣнка, который, быть можетъ, наиболѣе соблазнителенъ; онъ — самый таинственный, ибо ничего не предсказываетъ.

Кромѣ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, въ бесѣдѣ участвовали еще двѣ молодыя женщины, и за ними то, конечно, Алэнъ и ухаживаль. Онъ не совсѣмъ зналъ, которая изъ нихъ нравится ему больше, ни даже — нравятся ли онѣ ему вообще. Обѣ эти сильныя брюнетки почти пугали его, но такъ какъ ихъ задѣвали его поддразниванія, то онъ любилъ дразнить ихъ, какъ любятъ мучить диковинныхъ звѣрей: хочется посмотрѣть, чтѣ изъ этого произойдетъ. Произошло то, что играя, онѣ обмѣнивались косыми

взглядами и что каждая изъ нихъ расцвѣтала, когда на ея долю выпадало особенно много вниманія. Одной Алэнъ цѣловаль концы пальцевъ, и корсажъ, куда пальцы быстро прятались, вздымался подобно широкой волнѣ. Онъ подходилъ, какъ измѣнникъ, къ другой и касался губами пушка на затылкѣ: затылокъ и все тѣло женщины долго дрожали.

Безмолвная, съ туманнымъ взглядомъ, съ презрительнымъ выраженіемъ лица, Полина, казалось, ничего не видѣла, но, въ дѣйствительности, видѣла все. Она какъ будто ничего не чувствовала, но, въ дѣйствительности, страдала.

„Я ничтожество. Онъ ни разу не посмотрѣлъ на меня. Правда, я некрасива и къ тому же плохо одѣта; это голубое платье такъ не идетъ мнѣ. Но такой я должна быть. О, какъ хотѣла бы я еще больше не нравиться ему!“

Въ эту минуту Алэнъ замѣтилъ ее.

— Вотъ она-то, дѣйствительно, самая красивая.

Онъ бросилъ ей розу, украденную у одной изъ молодыхъ женщинъ.

— Спасибо, Зензолинъ, — сказала Полина. — Ты не часто дѣлаешь мнѣ подарки; я сохранию этотъ.

Она прикрѣпила розу къ своему корсажу и снова приняла презрительный видъ.

„Онъ хотѣлъ унижить меня“, думала она. „Какъ сдѣлать, чтобы стать ему еще болѣе непріятной? Остаться? Уйти?“

Она посмотрѣла на двухъ молодыхъ женщинъ.

„Остаться“.

Она понюхала розу.

„Уйти?“

— Я иду домой,— сказала въ эту минуту Алина, — ты идешь, Полина?

Она еще разъ посмотрѣла на двухъ молодыхъ женщинъ, которыхъ Алэнъ, повернувшись къ нимъ лицомъ, скрывалъ отъ нея наполовину.

— Нѣтъ, я остаюсь.

Алэнъ повернулъ къ ней голову. Лицо его улыбалось.

— Нѣтъ, я тоже иду, подожди меня.

Она думала.

„Онъ смотрѣлъ на меня съ ироническимъ видомъ. Онъ думаетъ, что я хочу слѣдить за нимъ. Какая мысль! Какое мнѣ дѣло до него!“

Алина пошла въ залу. Полина поднялась въ свою комнату. Она влила воду въ маленькую вазу изъ голубого хрустала, и прежде чѣмъ вставить туда розу долго вдыхала ея аромать, вглядывалась въ нее, потомъ внезапно, рѣзкимъ движеніемъ поднесла ее къ губамъ.

„Я съ ума сошла. Самой себя стыдно. Что мнѣ до этого цвѣтка? Какая глупость! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ“.

И она со страшной жестокостью смяла розу и бросила ее на коверъ, и топтала лепестки въ порывѣ ребяческаго гнѣва. Придя въ себя, она старательно подмела къ камину остатки своей отвергнутой радости; но въ этомъ жалкомъ положеніи застала ее переменна настроенія: съ маленькой метелкой въ одной рукѣ, облокотившись другой на мраморъ, смѣшная и трагичная, она залилась слезами.

Полина еще разъ нашла въ себѣ силу для противодѣйствія. Она выпрямилась, вымыла глаза,

заставила себя прочесть три страницы изъ „Сокровища Смиренныхъ“ и сошла внизъ — спокойная и холодная. Всѣ уже вернулись. По обыкновенію, она стала вмѣстѣ съ Алиной разливать чай. Алэнь, между тѣмъ продолжалъ свои игры съ развязностью веселаго подростка. Ему было восемнадцать лѣтъ, онъ былъ неловокъ и дерзокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наивно невиненъ: самъ онъ считалъ себя ловкимъ, ибо покорилъ уже двухъ служанокъ и одну цвѣточницу въ сосѣднемъ городѣ. . . Онъ видѣлъ, какъ онѣ замирали то отъ удовольствія, то отъ грусти, и говорилъ имъ каждый разъ такія слова, какихъ требовали обстоятельства. Вотъ почему онъ считалъ себя не дерзкимъ, а, напротивъ, хорошо воспитаннымъ и даже ласковымъ. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ и строенъ, безъ бороды, съ коротко остриженными волосами. Голова его была двухъ тоновъ — одного надъ другимъ — розоваго и мѣднаго; въ розовомъ виднѣлись два большихъ голубыхъ цвѣтка. Наружность его казалась странной и обольстительной. Женщинамъ онъ казался желаннымъ, какъ блестящая, рѣдкостная игрушка, но, думая слишкомъ много о себѣ самомъ, онъ не замѣчалъ возбуждаемыхъ имъ чувствъ. Подруги его матери или сестры казались ему къ тому же неприступными крѣпостями. Эти двѣ женщины, однако, выказали свою слабость, и онъ начиналъ вѣрить въ ихъ уязвимость.

Оставшись одинъ съ двумя молодыми женщинами, онъ очень неловко говорилъ имъ самыя невозможныя рѣзкости.

— Я люблю васъ обѣихъ. Да, обѣихъ.

— Намъ не надо, чтобы насъ любили, — быстро отвѣчала болѣе молодая. — У насъ есть мужья.

— Мужья! Развѣ они умѣютъ любить?

— Конечно, — отвѣтила она.

— Если бы ваши мужья любили васъ, они не ушли бы на охоту. Они поступили бы, какъ я, У нихъ заболѣла бы нога для того, чтобы они могли остаться съ вами.

Онъ указаль на свою туфлю.

Молодая женщина не хотѣла признать себя побѣжденной.

Она сказала:

— Всему свое время.

Но про себя она подумала:

„Боже мой. Это онъ для меня остался, Онъ любить меня“.

„Такъ онъ любить меня!“ — думала старшая.
— „Онъ любить меня!“

Какъ будто угадавъ ихъ тайныя мысля, Алэнъ еще болѣе осмѣлѣлъ.

— Только любовники умѣютъ любить — сказалъ онъ.

„Быть можетъ, это правда“, думала старшая.
„Не попробовать ли?“

„Онъ правъ“ думала младшая, очень опытная въ дѣлахъ любви. „Онъ бы отлично любилъ меня.“

Онъ опустили глаза, чтобы удобнѣе мечтать.

— Mesdames, — сказалъ Алэнъ — я кладу свое сердце къ вашимъ ногамъ.

На этотъ разъ онѣ стали смѣяться.

— Какой діаволь!

— Настоящій чертенокъ!

— О, если бы я могъ сказать вамъ что-то на ухо, обѣимъ въ одно время.

— Гадкій!

— Гадкій!

— Ну, хорошо, одной послѣ другой. Разыграемъ на узелки.

Онѣ стали еще громче смѣяться.

— Каждой я скажу одно слово и предложу одинъ вопросъ. Надо будетъ мнѣ отвѣтить.

— Нѣтъ, я не хочу слушать васъ.

— И тѣмъ болѣе не хочу отвѣчать.

— Но я не скажу обѣимъ одного и того же, я не предложу каждой того же вопроса.

— Вы не скажете ничего такого, чего нельзя слышать?

— Вы спросите только то, на что можно отвѣчать?

— Конечно.

— Хорошо, давайте ваши узелки, гадкій мальчишка.

— Я готова уступить свою очередь.

— Ваша очередь, сударыня. Соблаговолите приблизиться. Вотъ: — Я люблю васъ. А вы? — Чудовище! — Ваша теперь: — Я васъ обожаю. Вы меня любите? — Тише. — Я сдержалъ слово, и вы такъ же. Теперь идемъ пить чай, съ удовлетвореннымъ сознаниемъ исполненнаго долга.

Онѣ шли, погруженные въ мечты. Алэнъ шель за ними, спрашивая себя:

„Съ которой начать, и какъ за это взяться?“

День чуть брезжилъ, когда Полина была уже на ногахъ. Она спала очень мало. Прежде чѣмъ

одѣться, она вышла изъ своей спальни и направилась въ большую сосѣднюю комнату, которая называлась бѣльевою и была полна не только бѣльемъ со всего дома, но и всякимъ старьемъ, сношенными платьями, шляпами, брошенными лентами, — наслѣдіемъ многихъ поколѣній женщинъ. Здѣсь были шелка сизаго цвѣта, введенные въ моду императрицей Евгеніей, былъ амарантовый бархатъ и алый атласъ.

— А, вотъ то, что мнѣ надо.

Она взяла въ руки коробку съ лентами, печальный цвѣтъ которыхъ казалось вполнѣ отвѣчалъ опредѣленію зензолина — красно-фіолетоваго.

— Какой уродливый цвѣтъ.

Къ голубому корсажу, къ бѣлой шеѣ, къ каштановымъ волосамъ она прикрѣпила банты изъ зензолиноваго шелка.

— У меня видъ дикарки, — сказала она, глядя на себя въ зеркало. — Онъ будетъ смѣяться надо мной. Можетъ быть, разсердится. Если я ему не окончательно разонравлюсь теперь, что тогда еще сдѣлать?

Она сошла въ садъ. Дроздъ во весь голосъ высвистывалъ свои пять однообразныхъ нотъ. Солнце бросало длинныя тѣни. Роса обволакивала листву и травы. Полина замѣтила вьюнокъ, который раскрылся, совсѣмъ какъ нѣжный глазъ. Потомъ она съѣла яблоко, свѣжее, какъ ледъ.

Ни о чемъ другомъ она больше не думала, кромѣ того, какъ радостно скакать на зарѣ дикой козой по травѣ.

Но что же она увидѣла подъ сиреневымъ кустомъ? Алэна, который сидѣлъ на скамьѣ и смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Видь этого родного сердцу недруга снова оживиль ея злобу,

— Что? Ты не обо мнѣ думалъ?

— Нѣтъ, милая Полина, я думалъ о себѣ самомъ,

— Ты такъ рано встаешь?

— О, не каждый день.

— Такъ только сегодня?

Освѣщенная яркимъ солнцемъ, Полина пылала зензолиновыми оттѣнками.

— Гдѣ ты нашла это?

— Да что?

— Эти ужасныя ленты!

— Ужасныя? Ты находишь?

— Не въ мою ли честь ты ихъ надѣла?

— Печему же нѣтъ!

— Если ты хотѣла мнѣ не понравиться, то достигла своего. Но, послушай, я думалъ, что ты ко всему равнодушна, я думалъ, что ничто не можетъ задѣть твое сердце. А вотъ ты встаешь въ пять часовъ утра...

— А ты...

— Я? Я-то вѣдь влюбленъ...

— Про себя не могу этого сказать.

— ...наряжаешься въ костюмъ цыганки и бѣгаешь по саду, неизвѣстно зачѣмъ... Садись около меня, Полина, сюда... Это, въ самомъ дѣлѣ, зензолиновый цвѣтъ... Что тебѣ вздумалось... но ты не

такая ужь дурочка, какъ думаешь, а я не такъ глупъ, какъ ты предполагаешь..

— Что ты хочешь этимъ сказать? — спросила она съ неумѣло напускной холодностью.

— А то, что я, какъ и ты, не знаю, что сказать. Хочу пошутить, а не выходитъ... Полина, Полина, знаешь, почему оба мы встали съ зарею? Скажи, знаешь?... Дай мнѣ твою руку, Полина...

Она позволила взять руку, она позволила Алэну взять себя за талию, она позволила ему прижать себя къ груди. Деревья, цвѣты, небо, земля — все смѣшалось и кружилось. Она закрыла глаза, и голова ея опустилась.

— Скажи, знаешь? — продолжалъ Алэнь. — Ну вотъ: — мы искали другъ друга и нашли.

Она была нѣжной любовницей Алэна въ продолженіи всѣхъ каникулъ и долго послѣ того, каждый разъ, когда онъ возвращался домой.

Однажды Алэнь говорилъ ей:

— Надо бы намъ пожениться. Но какъ это сдѣлать? Можетъ ли мужчина жениться въ восемнадцать лѣтъ? Подождемъ.

— Не будемъ объ этомъ говорить, — отвѣчала Полина. — Я принадлежу тебѣ, ты сдѣлаешь со мной все, что захочешь.

Такимъ образомъ, она примиряла свое счастье съ своею любовью къ страданіямъ. Она была весьма счастлива въ продолженіи многихъ лѣтъ.

РОЗОВЫЙ.

. . . et les roses trop hautes.
H. de Régnier.

Онъ былъ еще ребенокъ. Онъ уже не носилъ костюмъ подростка, но еще не одѣвался, какъ взрослый мужчина. Лицо у него было гладкое, волосы кудрявые. Онъ игралъ въ кегли лѣтомъ и издѣвался весь годъ надъ дѣвочками.

Не смѣялся онъ только надъ Христіаной, потому что Христіана была на десять лѣтъ старше его и казалась взрослой дамой, такой, какъ ея мать, только моложе и безъ мужа. Онъ, напротивъ, любилъ ее за то, что она была добрая, веселая и ласковая. Жить значить смѣяться, — думаютъ мальчики, — и когда не смѣешься, значить — не живешь.

Всѣ подруги Христіаны были замужемъ. Она ѣздила къ нимъ гостить, надѣясь тоже найти гдѣ-нибудь мужа. Но у нея не было приданого, и ей все не удавалось выйти замужъ. Она часто приходила къ матери мальчика, потому что дома ихъ стояли по сосѣдству и еще потому, что отецъ мальчика коллекционировалъ гравюры, и къ нему часто приходили богатые любители, которымъ онъ съ удовольствіемъ показывалъ свой кабинетъ, Кто знаетъ! Это было ея любимое слово, которое она часто повторяла съ надеждой на будущее. Христіанѣ было двадцать пять лѣтъ.

Лѣтомъ подруги Христіаны съѣзжались въ маленькій приморскій городокъ въ Бретани, и та, которая снимала самый большой домъ, прятгашала къ себѣ Христіану, такъ какъ ея родители, старые и недужные, не любили трогаться съ мѣста. Благодаря этому, компанія, состоявшая изъ дѣтей и молодыхъ женщинъ, могла веселиться во-всю. Среди нихъ мальчикъ становился еще болѣе раздвоеннымъ. Онъ никакъ не могъ рѣшить, какому изъ своихъ инстинктовъ подчиниться. Итти воздвигать противъ растущаго прилива песочныя крѣпости было очень соблазнительно. Читая около молодыхъ женщинъ, разговаривающихъ между собой, и Христіаной, занятой вышиваніемъ, было также весьма пріятно. И вотъ онъ дѣлилъ себя: когда ему казалось, что онъ достаточно долго былъ серьезнымъ молодымъ чело-вѣкомъ, онъ бѣжалъ къ совсѣмъ маленькимъ товарищамъ и съ радостью копался въ песокъ, мокромъ отъ морской пѣны.

Такъ проходило время; однажды любитель гравюръ получилъ таинственное письмо: „Вашъ отъѣздъ, о которомъ я узналъ, зайдя къ вамъ въ этотъ четвергъ, помѣшалъ одному плану, который я ужъ давно мечталъ выполнить. Нетерпѣніе не позволяетъ мнѣ дожидаться вашего возвращенія. Не будетъ ли съ моей стороны неделикатнымъ, если я позволю себѣ пріѣхать къ вамъ на берегъ моря, куда вы именно бѣжали отъ нескромныхъ гостей“. . . . Подпись „Дюранъ, членъ Академіи“ напомнила любителю гравюръ одного посѣтителя, который былъ у него два или три раза и въ послѣднее посѣщеніе казался очень разсѣяннымъ. Онъ вспомнилъ также,

что съ нимъ въ первый визитъ была Христiana, что онъ поклонился ей очень почтительно, что онъ тихо говорилъ съ ней, что онъ оставилъ для нея пачку драгоценныхъ рисунковъ.

Христiana поймала мужа. Въ этомъ перестали сомнѣваться, когда увидѣли, что Дюранъ поселился въ мѣстной гостинницѣ, объявивъ, что онъ проведетъ здѣсь свои каникулы, а потомъ рѣшительно примкнулъ къ легкомысленному собранію молодыхъ женщинъ.

Мальчикъ съ первыхъ дней его возненавидѣлъ. Онъ думалъ:

„Онъ вовсе не любитель гравюръ; онъ любитель Христiаны!“

Мысль эту, часто возвращавшуюся къ нему, онъ высказалъ вслухъ передъ матерью, которая сильно побранила его, еле сдерживаясь однако отъ смѣха. Вскорѣ никто иначе не называлъ Дюрана, какъ „любителемъ Христiаны“, и кличка эта должна была за нимъ остаться на всю жизнь.

Это былъ единственный намекъ на свадьбу, которая безмолвно готовилась.

Къ концу мѣсяца, когда съ общаго согласія всѣ заговорили о приготовленіяхъ къ отъѣзду. Дюранъ отвелъ въ сторону любителя гравюръ и сказалъ ему:

— Я уѣзжаю. Рѣшеніе мое принято. Я несомнѣнно „любителъ Христiаны“.

— А! Вы слышали? . . .

— Да, и очень радовался. Это доказываетъ, что меня поняли.

— А сама Христiana? . . .

— Я не рѣшаюсь спросить ее.

Любитель гравюръ взялъ на себя посредничество и вложилъ руку Христіаны въ руку Дюрана. Христіана приняла изумленный видъ. Дюранъ краснѣя, поцѣловалъ маленькую покорную ручку, и Христіана поняла, что этотъ человѣкъ любитъ ее и желаетъ ея счастья. Это мысль преисполнила ее радостью.

Оторвавшись отъ поздравленій и поцѣлуевъ своихъ подругъ, Христіана поднялась въ свою комнату и, сядя у окна, смотрѣла на море, которое наивно сравнивала съ безконечностью своей жизни.

Нѣсколько времени она такъ мечтала, какъ вдругъ какой-то шумъ заставилъ ее поднять голову. Она стала прислушиваться. Раздавались какъ будто рыданія. Она встала и осмотрѣлась. На колѣняхъ, передъ постелью, нополовину скрытый упавшимъ пологомъ, плакалъ мальчикъ, уткнувъ голову въ одеяла.

Христіана подошла къ нему; взявъ его за плечи, она подняла его съ пола и притянула къ себѣ:

— Что съ тобой, мой мальчикъ?

— Христіана! Христіана!

— Что случилось?

— О! Христіана!

— Полно, садись рядомъ со мной и скажи, что съ тобой.

Она сѣла на постель, тронутая этимъ искреннимъ горемъ. Когда мальчикъ сѣлъ рядомъ съ ней, положивъ голову къ ней на плечо, она продолжала:

— Тебя побранили?

— Нѣтъ.

— Ты страдаешь ?

— Да.

— Какъ ?

— Не знаю.

— Послушай, — сказала она нѣсколько нервно, — будь благоразуменъ, объясни.

— О, Христіана, ты еще бранишь меня, ты, которую я такъ люблю !

Тогда Христіана поняла, и ребенокъ сталъ внушать ей страхъ. Но слова его вмѣстѣ съ тѣмъ растрогали ее; чтобы исправить свою рѣзкость, она прижала его къ своей груди.

— Христіана, онъ, значить, увезетъ тебя ?

— Нѣтъ, останусь со всѣми вами, съ тобой.

— Неправда.

— Правда, увѣряю тебя. Я, какъ всегда, буду навѣщать тебя и всегда любить, мой мальчикъ.

— Я тебя такъ люблю !

Двѣ невинныя руки обнимали станъ Христіаны. Она съ испугомъ смотрѣла въ томные глаза, которые искали ея взора. Она смотрѣла также на молодые уста; они тянулись къ ея устамъ и завладѣли ими. Мальчикъ закрылъ глаза, и потомъ, открывъ ихъ, сталъ гладить нѣжную кожу Христіаны въ ея открытомъ корсажѣ. Христіана не сопротивлялась.

— Да, мой милый, поцѣлуй мое сердце, — сказала она. — Дай мнѣ мой первый полѣлуй любви.

Мальчикъ приложилъ свои радостныя уста къ блѣдной кожѣ.

Христиана крикнула, какъ ужаленная, вскочила и, оправившись, сказала:

— Хорошо. Мой нѣжный, мой милый дружокъ, я всегда буду любить тебя. Помни мое сердце. Кто знаетъ?...

ПУРПУРОВЫЙ.

Qualem purpureis agitata
fluctibus Hellen.

Проперцій.

Сидуанъ.
Клотильда.
Марсель.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Сидуанъ и Клотильда.

Клотильда. Любовникъ? Нѣтъ, я слишкомъ люблю свою свободу. Любовникъ? Подозрѣнія, ревность, муки. Любовникъ? Нѣтъ, я хочу дѣлать въ жизни все, что хочу. Любовникъ? Что ты, моя дорогая, дѣлала вчера на углу улицы Мира? Я ждала. Чего? Кареты. А! И онъ не вѣритъ. Вся фигура его говорила: какъ странно! Любовникъ! Нѣтъ! Мнѣ довольно и мужа. Мужъ мой сравнительно сносный стражъ; онъ боится только скандала. Зная, что я хорошо воспитана, онъ слѣдитъ за мной только издалека; къ тому же, благодаря самоувѣренности, свойственной всѣмъ мужьямъ, если бы даже онъ и увидѣлъ меня въ подозрительной бе-

сѣдѣ съ кѣмъ-нибудь, онъ бы не повѣрилъ своимъ глазамъ. Но любовникъ!...

Сидуанъ. Вашъ мужъ правъ. Подозрѣвать женщину, значитъ оскорблять ее, а воспитанный челоуѣкъ не станетъ оскорблять свою жену.

Клотильда. Если жена честна, то тѣмъ лучше. Если же нѣтъ, подозрѣнія становятся законными еще до всякой улики.

Сидуанъ. Подозрѣнія никогда не бываютъ законными.

Клотильда. Не говорите глупостей. Подозрѣнія всегда законны. Но ихъ имѣешь или не имѣешь — смотря по характеру. Не знаю, подозрѣвалъ ли меня когда-нибудь мужъ. Онъ никогда не показывалъ. Вамъ, однако, такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, — нѣтъ не совсѣмъ такъ же, но все-таки извѣстно, — что у меня былъ любовникъ; вы вѣдь были не только его другомъ, но и нашимъ наперстникомъ. Сознаться же, что ваши красивыя фразы — не болѣе, чѣмъ красивыя фразы.

Сидуанъ. Нисколько. Когда любишь, когда думаешь, что тебя любятъ — подозрѣнія возмутительны. Скажу больше, онѣ глупы. Жизнь — актъ довѣрія. Обманывать — значитъ унижать себя. Такъ можно ли предположить, что существо, которое ты любишь — безчестно.

Клотильда. Наконецъ, я знаю, что любовники подозрительны, и ничто меня такъ не раздражаетъ. Вашъ другъ мучилъ меня въ продолженіи трехъ лѣтъ. Съ меня хватить. Муки, которыя я переносила изъ-за него, не стоили удовольствій, которыми онъ, впрочемъ, весьма щедро меня надѣ-

ляль. Другая женщина была бы, можетъ быть, съ нимъ счастлива. Я — нѣтъ. Довольно съ меня этого одного раза. Не скажу, что я никогда больше не поддамся капризу. Ничуть я этого не хочу сказать. Капризовъ я желаю, и буду благословлять небо, въ продолженіи десяти дней буду молиться Мадоннѣ Побѣдъ, если цвѣтокъ этотъ родится въ моемъ мозгу. Увы! вотъ годы и годы, какъ я ничего не чувствую; тѣло мое не волнуется ни изъ-за чего, ни изъ-за кого. Я въ отчаяніи! О сердцѣ моемъ не говорите. Я подчинила его разуму.

Сидуанъ. Вы — очаровательная эгоисточка. Не за это люблю я васъ, но все же люблю.

Клотильда. Вы мнѣ это достаточно повтoряли. Любите — кто вамъ мѣшаетъ!

Сидуанъ. Для любви нужны двое.

Клотильда. Въ такой любви нѣтъ заслуги. Я любила вашего друга въ продолженіи шести мѣсяцевъ, прежде чѣмъ онъ соблаговолилъ остановить на мнѣ свой взоръ.

Сидуанъ. Моя заслуга, если вообще въ этомъ есть заслуга, гораздо большая: я ухаживаю за вами вотъ уже ровно годъ.

Клотильда. Она была бы вдвое большей, если бы вы меня, въ самомъ дѣлѣ, любили,

Сидуанъ. Какъ? Вы не вѣрите даже въ мою искренность?

Клотильда. Мы вѣримъ только въ искренность того, кого любимъ, а я васъ не люблю.

Сидуанъ. Благодарю. . .

Клотильда. Что съ вами? Вы блѣднѣете?

Сидуанъ. Ударъ былъ слишкомъ сильный
Прощайте.

Клотильда. Сидуанъ, не уходите подь та-
кимъ дурнымъ впечатлѣніемъ.

Сидуанъ. А! Ваши глаза перестали быть
злыми. Благодарю. Такъ я могу еще немного ос-
таться?

Клотильда. Да, но не сидя.

Сидуанъ. Я буду стоять.

Клотильда. Нѣтъ, станьте на колѣни.

Сидуанъ. О, прошу у васъ прощенія за то,
что слишкомъ люблю васъ.

Клотильда. Хорошо, я васъ прощаю, и
даже вотъ рука моя, цѣлуйте. Такъ полный миръ, да?

Сидуанъ. Какъ хорошо у вашихъ ногъ.

Клотильда. Какой глупый видъ у влюблен-
наго человѣка. Прямо умилительно!

Сидуанъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, плачетъ.
А! Ты меня любишь, Клотильда?

Клотильда. Да!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Клотильда, Марсель.

Марсель. Это будетъ очень забавно. Въ ко-
теромъ часу?

Клотильда. Въ десять.

Марсель. У насъ еще десять минутъ. Все
ли готово?

Клотильда. Да. Знаешь, ты такъ очарова-
тельна. Ты заставила бы меня потерять голову, если
бы это было серьезно.

Марсель. Милая, мнѣ хочется тебѣ сказать то же самое. Съ той минуты, какъ я переодѣлась мужчиной, я нахожу въ тебѣ какое-то непонятное очарованіе, заставляющее мое сердце биться сильнѣе.

Клотильда. Тѣмъ лучше; ты вѣрнѣе сыграешь свою роль.

Марсель. Превосходно!

Клотильда. Нѣтъ, нѣтъ, будь благоразумна, подожди звонка.

Марсель. Я не могу ждать. Не терпится.

Клотильда. А! Да что это? Ты становишься опасной.

Марсель. Увы! Не очень.

Клотильда. Послушай, будь благоразумна. А, ты не слышала?

Марсель. Да, и вотъ второй звонокъ.

Клотильда. Я распорядилась. Онъ войдетъ при третьемъ. Я боюсь, теперь я боюсь.

Марсель. А мнѣ очень забавно.

Клотильда. Марсель! Да она...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Сидуанъ, Клотильда, Марсель.

Марсель. Люблю тебя, люблю тебя...

Клотильда. Милый! О!—О!—О!—Марсель! Марсель! О! О! О! О!...

Марсель. Люблю... люб... люб... а-а-а...

Сидуанъ. Возможно ли!

Клотильда. Марсель, закрой прежде всего хорошенько лицо. А! Сидуанъ. Какое счастье! Я не слышала, какъ вы вошли. Я дремала, можетъ

быть, видѣла сонъ. Я иногда брежу вслухъ, когда ложусь послѣ обѣда.

Сидуанъ...?

Клотильда. Нѣтъ, сюда. На диванъ слыш-комъ большой безпорядокъ.

Сидуанъ...

Клотильда. Что съ вами?

Сидуанъ...

Клотильда. Чего вы ищете?

Сидуанъ...

Клотильда. Вы, Сидуанъ, я умоляю васъ...

Сидуанъ...

Клотильда. Такъ значитъ, — подозрѣнія?...

Сидуанъ...

Клотильда. Какъ всѣ...

Сидуанъ...

Клотильда. Такъ вы думаете...

Сидуанъ...

Клотильда. Что это доказываетъ?

Сидуанъ...

Клотильда. А! ты меня не любишь!

Сидуанъ...

Клотильда. Хорошо, я знаю, что миѣ остается дѣлать.

Сидуанъ?...?

Клотильда. Говорите же, наконецъ. Вы ненавидите меня?

Сидуанъ...

Клотильда. Вы презираете меня?

Сидуанъ...

Клотильда. Подозрѣнія возмутительны.

Сидуанъ...

Клотильда. Представляю вамъ моего со-
общника...

Сидуанъ. Какъ. Марсель!

Марсель. Трагедія кончена. Очень это было
трогательно.

Клотильда. Вы были правы, Сидуанъ, ни-
когда не надо...

Сидуанъ. А! Какъ ты заставила меня стра-
дать! Какая же ты злая.

Клотильда. Я хотѣла испытать тебя.

Сидуанъ. И на этотъ разъ ударъ былъ
слишкомъ сильный.

Клотильда. Такіе удары самые полезные.

Марсель. Прощайте. Я оставляю вамъ ту,
которую побѣдила. Оставляю — не безъ сожалѣнія.

Сидуанъ. До чего она красива въ такомъ
видѣ.

Клотильда. Наконецъ-то ты это замѣтилъ.

Сидуанъ. Пусть же она теперь играетъ
роль женщины; это будетъ моя месть.

Марсель. Нѣтъ, нѣтъ. Клотильда, останови
его. . .

Клотильда. Сидуанъ! Сидуанъ!

Сидуанъ. Люблю тебя. Люблю тебя. . .

Клотильда. Какой ужасъ! Я вся дрожу. Я
умираю! Марсель, умоляю тебя. . .

Марсель. Люблю тебя, люблю тебя. Люб...
лю. . . А!-а-а-а.

Сидуанъ. Ааааа!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Клотильда, Сидуанъ.

Сидуанъ. Великолѣпно отмстилъ.

Клотильда. Злой! Злой!

Сидуанъ. Да, я, можетъ быть, зашелъ немного слишкомъ далеко. Но вы дали мнѣ такой хорошій примѣръ.

Клотильда. Ты былъ болѣе жестокъ, чѣмъ я.

Сидуанъ. Нисколько. Реально то, что мы переживаемъ, какъ реальное.

Клотильда. Невинное притворство.

Сидуанъ. Какъ и у меня.

Клотильда. Правда? Скажи. Правда это?

Сидуанъ. Притворство.

Клотильда. Правда ли, злой человекъ? Она такъ кричала.

Сидуанъ. Что жъ, и ты кричи!

Клотильда. А! Ты любишь меня, ты любишь меня. . .

ЛИЛОВЫЙ.

Quelques aubes, sus les
rosiers. Avec des airs hu-
milés. . .

R. G.

Полина провела въ исповѣдальнѣ очень пріятныхъ полчаса. По мѣрѣ того, какъ ена срывала тяжелые плоды грѣха, облегченное дерево выпрямлялось, расправляло свои вѣтки и снова принимало весенній видъ.

„Это похоже на то, какъ Амели моетъ мнѣ голову. По мѣрѣ того, какъ свѣжія струи заливаютъ меня, я чувствую, какъ становлюсь легче, освобожденная отъ тяжелаго покрывала, отъ траурной пелены заботъ“.

Думая такъ, она испытывала стыдъ, потому что, въ сущности, должна была бы вся отдаться сокрушенію сердца и отвѣчать порывомъ раскаянія на милостивыя слова аббата.

„Но это именно такъ“, — продолжала она думать, — „чувство жизнерадостности, которое я испытываю, не свидѣтельствуетъ ли оно о воздѣйствіи таинства на грѣшницу?“

Ничего не утаивая, но безъ хвастовства, она шопотомъ рассказала всю свою жизнь, начиная съ двухлѣтняго возраста.

— Я грѣшила противъ чистоты.

— Хорошо. Одна?

— Нѣтъ.

— Съ вашимъ мужемъ?

— О! Нѣтъ.

— Хорошо. Продолжайте.

— Я грѣшила въ мысляхъ, на словахъ и въ дѣйствіи.

— Постоянный любовникъ? Одинъ? Много?

— Только одинъ.

— Хорошо. Вы страстно хотѣли видѣть вашего сообщника, цѣловать его, отдаваться ему?

— Да.

— Часто.

— Всегда.

— Хорошо. Когда вы бывали наединѣ, вы обмѣнивались непристойными рѣчами?

— О, нѣтъ.

— Непристойными рѣчами, значить — нѣжными словами.

— Да.

— Хорошо. Затѣмъ ласки. Обычныя?

— . . .

— Онъ цѣловаль васъ всю?

— Да.

— Долго?

— Да.

— А вы?

— Я тоже.

— И вы ощущали радости страсти?

— Иногда.

— Хорошо. Это весьма важно. Было это съ полного вашего согласія или противъ воли?

— Что вы!

— Съ полного вашего согласія, значить?

— Да.

— Ужасно! Вы заслуживаете пламени ада.

— Отецъ мой, я очень раскаиваюсь.

— Вы удовлетворяли свою страсть, не думая ни о чемъ другомъ, подобно звѣрямъ.

— . . .

— Вы предавались страсти, не имѣя другой цѣли, кромѣ животнаго удовольствія.

— О!

— Безъ оглядки на себя, безъ сожалѣнія, безъ мысли о наставленіяхъ католической церкви?

— Увы!

- Безъ стыда?
- Теперь мнѣ стыдно.
- Хорошо. Продолжайте. Вы, какъ демонъ, не стыдитесь своей наготы?
- О!
- Только демоны не стыдятся своей наготы.
- Теперь я краснѣю за нее.
- Вы поддались страсти вашего соблазнителя?
- . . .
- Да?
- Да, я любила.
- Надо было прибѣгнуть къ таинствамъ, къ дѣламъ благочестія
- Теперь я это дѣлаю.
- Чѣмъ онъ васъ взялъ?
- Не знаю. Взглядами, улыбками, словами. .
- Вы боролись?
- Я любила его.
- Теперь все кончено?
- Да.
- Вы его больше не увидите?
- Никогда.
- Хорошо. Продолжайте.

Они перешли къ другимъ грѣхамъ, лакомству, лѣни, лжи. Полина вспоминала о тонкой ѣдѣ послѣ любовныхъ наслажденій, объ отдыхѣ въ объятіяхъ любовника, о томъ, какъ она лгала, чтобы сбивать съ толку подозрительнаго мужа. То былъ сонъ. Теперь все стало сномъ.

— Сномъ! — Она заплакала.

— Такъ какъ раскаяніе ваше искренно, я дамъ вамъ отпущеніе, которое, можетъ быть, лучше было бы отсрочить; но слезы многое смываютъ. Попро-

сите въ глубинѣ вашего сердца прощенія за свои тяжкія прегрѣшенія.

Умиленіе ея удвоилось въ то время, какъ латинскія слова падали одно за другимъ на ея бѣлокурые волосы, чрезъ прелестную лиловую шляпу, подходящую къ платью, того же тона, но нѣсколько свѣтлѣе.

Когда исповѣдь кончилась, она безъ смущенія поклонилась аббату, съ которымъ была знакома. Они поговорили нѣсколько минутъ о послѣднемъ благотворительномъ базарѣ, очень удачномъ, и бѣдный аббатъ не могъ не смотрѣть безъ вождельнія, конечно, но съ нѣкоторой изумленной ласковостью на эту изящную молодую женщину, красивую и тонкую, которая была освѣдомлена гораздо лучше, чѣмъ самый утонченный казуистъ, во всѣхъ тайнахъ страсти.

— Женщина! Женщина! У нея двое маленькихъ красивыхъ, какъ ангелы, дѣтей, которыхъ она сама водить въ церковь. Мужъ ея проповѣдуетъ священную войну, а любовникъ покинулъ ее для г-жи Рюэль, которая во всеуслышанье говоритъ: „Я фанатически люблю Бога!“ Женщина! Женщина!

Садясь въ карету, Полина думала о превосходныхъ орхидеяхъ, которыя рука, отлично ею узнавшая, прислала ей въ это самое утро.

— Ну вотъ, я чистая, безъ пятнышка, какое счастье! Одна изъ орхидей, съ розовымъ хвостикомъ, въ родѣ пробочника, — чудо какая. Это онъ, навѣрное, онъ. Уже шесть часовъ. Только бы я не пришла позже его! Господи! какъ прекрасна католическая вѣра!

Я счастлива.

СИРЕНЕВЫЙ.

Et que l'on touche et que
l'on sente les lilas.

Francis Jammes.

Въ качествѣ принцессы, Беатриса считала себя обязанной держаться со своими поклонниками строго. Развѣ принцесса — не рѣдкій плодъ, и оборвать его не должно стоить нѣкоторыхъ страданій? Она предлагала имъ испытанія. Одинъ изъ нихъ, страстный курильщикъ, долженъ былъ въ продолженіи всего пикника, почти цѣлый день, не курить. Другой, любитель танцевъ, долженъ былъ отказаться отъ самыхъ интересныхъ баловъ въ сезонѣ. Три изящныя премьеры были запрещены законодателю модъ. Онъ возненавидѣлъ принцессу. Ліонель, напротивъ, согласился на все, даже на смѣшное. Когда его достаточно измучили, ему позволили поцѣловать руку — слегка, нѣжно. Его баловали тайными улыбками. Принимали цвѣты. Его выбирали для совмѣстнаго посѣщенія салона или въ провожатые на лекцію Жюля Леметра. Наконецъ, соглашались выслушать его съ глазу на глазъ въ маленькомъ сиреневомъ салонѣ, который былъ извѣстнымъ преддверьемъ окончательнаго блаженства. Долго колѣнопреклоненный Ліонель произносилъ о своей страсти красивыя, умныя и восторженныя рѣчи. Послѣ минуты нѣжнаго забытья, Беатриса вдругъ снова приняла строгій видъ.

— Будемъ благоразумны, другъ мой. Я не должна слабѣть, а вы не должны вводить меня въ искушеніе. Плоть, даже плоть принцессы, — и она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ, — немощна. Но

женщина, подобная мнѣ, умѣетъ страдать. Рожденная для добродѣтели, я остаюсь ей вѣрной. Увы! я никогда не буду вамъ принадлежать. Будьте моимъ другомъ, Ліонель, будьте сообщникомъ моего отреченія и наперсникомъ моихъ страданій.

У Ліонеля были свои планы. Онъ зналъ, что при такомъ ходѣ комедіи ему слѣдовало при этихъ словахъ возмутиться, выразить отчаяніе, и слегка удариться головой о стѣны книжнаго шкафчика изъ стараго дуба. Стѣны эти были очень солидныя. Въ такихъ случаяхъ, чтобы избѣжать большаго несчастья, принцесса, плача, сдавалась. Она сама запираетъ дверь на замокъ, какъ это изображается на старыхъ вольныхъ гравюрахъ, и, подобно гризеткѣ, допускала самое вольное обращеніе.

У Ліонеля были свои планы, и онъ сдѣлалъ видъ, что соглашается съ доводами изумленной принцессы.

— Мы будемъ вмѣстѣ плакать. Я слишкомъ люблю васъ, чтобы идти противъ воли, которая мнѣ такъ дорога. Будемъ друзьями, увy!

Беатриста любила Ліонеля. Въ то время какъ онъ такъ говорилъ, она желала его всѣми тайниками своей души и тѣла. Когда онъ съ грустью на лицѣ сталъ прощаться, она готова была очень сильно сжать и прижать къ своему сердцу руку, которая дотрагивалась до ея руки, но стыдливость, которой она никогда до сихъ поръ не испытывала, пересилила желаніе.

Она отпустила Ліонеля, не найдя ничего другаго сказать, какъ :

— Уже!

Когда дверь за нимъ закрылась, она почувствовала себя окутанной печалью. Что-то тяжелое, густое скрывало отъ нея всѣ предметы, всю жизнь. Наконецъ, страданіе нѣсколько утихло при мысли:

„Онъ вернется завтра.“

Лионель не вернулся ни на слѣдующій день, ни черезъ два дня, ни черезъ три. На четвертый получила записка изъ Лондона:

„Милый другъ, непредвидѣнное дѣло... Надѣюсь завтра въ обычный часъ засвидѣтельствовать вамъ почтеніе. Вашъ другъ Лионель.“

Въ обычный часъ телеграмма: „Боленъ“...

Отвѣтъ Беатрисы:

„Я отлично знала, милый другъ, что только непредвидѣнное могло васъ отдалить отъ меня. Но почему было лишить меня вѣстей въ продолженіи такого долгаго времени, трехъ или четырехъ вѣковъ. Наконецъ, вѣсти получены, и вотъ, онѣ дурныя. Скажите, я не должна беспокоиться? Беатриса.“

Читая, Лионель говорилъ:

— Она покорена. Значить, завтра.

Въ теченіи этой недѣли воображеніе Беатрисы сдѣлало тысячи прыжковъ, съ вѣтви на вѣтку, подобно бѣлкѣ. Она прошла черезъ разочарованіе, надежду, страхъ, тоску, отчаяніе, радость, безпокойство, и продолжала беспокоиться, когда, наконецъ, Лионеля ввели къ ней въ комнату.

Когда онъ вошелъ, она, разрыдавшись, бросилась къ нему навстрѣчу, потомъ остановилась. Лионель открылъ объятія; она упала въ нихъ, закрывъ глаза, счастливая, ни о чемъ больше не думая. Было много безмолвныхъ поцѣлуевъ, нѣжныхъ ласкъ;

потомъ ужъ Ліонель самъ закрылъ на замокъ дверь. Такимъ образомъ онъ закрѣпилъ въ одно время — любовь и свою власъ надъ нею.

Ліонель любилъ Беатрису, но чувствовалъ еще къ принцессѣ легкую злобу. Удовлетворяя свою любовь, онъ приближалъ часъ своей мести.

Послѣ большихъ вольностей явились маленькія, чрезмѣрныя. Онъ осмѣливался на все и требовалъ всего. Каждый день прибавлялъ по строфѣ къ поэмѣ ихъ счастья. Беатриса между тѣмъ, сохраняя видъ женщины, покоренной любовью, все болѣе зажигалась по мѣрѣ того, какъ межъ ея пальцевъ проходили бусы четокъ, и однажды, когда Ліонель, исчерпавъ все свое воображеніе, наивно наслаждался взаимнымъ и простымъ счастьемъ, Беатриса, отдохнувшая и смѣющаяся, придумала сама безумное объятъе.

Тогда онъ преклонилъ колѣно, поцѣловалъ ея ноги, не какъ любовникъ, но какъ увѣровавшій, и подумалъ :

— О Беатриса, трижды женщина — Беатриса красоты, Беатриса любви, Беатриса сладострастія — прошу у тебя безмолвно прощенія въ своей глупости. Я думалъ унижить тебя, по твоему примѣру, я думалъ обходиться съ тобой, какъ съ одалиской, и самъ исполняю твою же волю. Я сталъ рабомъ.

ОРАНЖЕВЫЙ.

Des bouquets, de jasmin,
de grande et d'orange.

Corneille.

Когда ротмистръ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ Берта работала вмѣстѣ съ матерью, она почувствовала ударъ въ сердце. Она могла приподняться, лишь прижавъ руки къ груди. Но вскорѣ она снова упала на кресло и опустила голову. Дѣлая видъ, что складываетъ работу, она дрожала отъ счастья. Мать расточала любезности и ненужныя вульгарныя слова:

— Его не ждали такъ рано. Думали приодѣться и принять въ залѣ. Хотѣли вставить, по парижской модѣ, цвѣты въ вазы. А въ особенности позвали бы г. Бернара, ибо ничто такъ не смущаетъ бѣдныхъ женщинъ, какъ блестящій офицеръ.

Она очень боялась. Денщикъ, который приходилъ днемъ въ качествѣ курьера, чтобы осмотрѣть комнаты и распаковать дорожный чемоданъ, внушилъ старой кухаркѣ не очень выгодное представленіе о ротмистрѣ.

— Суровый человѣкъ, увидите, — говорилъ онъ, — вдвое выше меня и ѣсть, какъ дьяволь.

— Господи Іисусе, неужели? Ему приготовятъ хорошій обѣдъ и хорошую постель, такому хорошему господину.

— Не хорошій онъ господинъ, а желѣзный. Онъ придетъ въ шесть часовъ. А затѣмъ, прощайте. Налѣво кругомъ маршъ.

— Вы не откажетесь все-таки, я думаю, выпить рюмочку, господинъ военный?

— Я думаю.

И выпивъ, военный еще яснѣе выразилъ свое мнѣніе о ротмистрѣ: Красивый звѣрь!

Услышавъ эти слова, трепеталъ весь домъ, но не Берта. Бернаръ отправился пригласить къ обѣду сборщика податей, человѣка бывалаго, для того, чтобы не остаться съ глазу на глазъ съ такимъ опаснымъ человѣкомъ.

— Мы напоимъ его пьянымъ, — рѣшилъ онъ. — Такъ легче будетъ съ нимъ справиться.

— Въ свою очередь, жена его говорила про себя:

— Я побалую его. Лакомства, вотъ только чѣмъ и можно задобрить мужчину. Берта тоже мечтала. Она думала:

„Вотъ, наконецъ, мужчина. Я, наконецъ, увижу мужчину. А! какъ давно. . . Быть можетъ, онъ меня заставитъ страдать. Быть можетъ! Быть можетъ!“

И она во что бы то ни стало хотѣла работать, какъ каждый день, чтобы не казаться взволнованной.

— Вы хотите имѣть видъ людей, никогда никого не принимавшихъ.

И втыкая иголку, она повторяла сама себѣ:

„Неужели насталъ мой часъ, мой рѣшительный часъ. . .“

Говорили о большихъ маневрахъ, о мѣстности, о травѣ и деревьяхъ. Офицеръ набрасывалъ картины сельской природы, хвалили чарующую прелесть

маленькой рѣчки подѣ ивами, жалѣлъ, что принужденъ былъ позволить истоптать часть зеленого луга, покрытаго золотыми цвѣтами.

Изумленная и обольщенная такой деликатностью, Берта смотрѣла на него, а онъ въ это время, въ подтвержденіе своего восторга, ударилъ себя по колѣну и прибавилъ:

— Чортъ возьми! Красивый уголокъ земли. У рѣчки стояла высокая дѣвушка, которая мыла бѣлье, и время отъ времени подымалась, чтобы вѣшать его на иву. Чортъ! Будь я съ ней наединѣ! . . .

Берта, опять счастливая, думала:

„Будь онъ съ ней наединѣ, произошло бы нѣчто ужасное, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. О! если бы я могла остаться съ нимъ наединѣ!“

Когда офицеръ сталъ хвалить садъ, который онъ замѣтилъ, входя въ домъ, Берта въ первый разъ заговорила:

— Онъ очень простой, но не хотите ли посмотреть его?

— Пойди показать садъ, — сказала мать, — и срѣжь нѣсколько цвѣтовъ. Я тоже приду черезъ минуту.

У перваго розоваго куста ротмистръ хотѣлъ взять садовыя ножницы:

— Я срѣжу тѣ, на которыя вы мнѣ укажете. Я не хочу, чтобы вы поранили себѣ пальцы на моихъ глазахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Развѣ вы считаете меня такой неловкой!

Она сдѣлала видъ, что сердится, позволяя въ тоже время отнять у себя ножницы. Онъ осторожно разомкнулъ ей пальцы.

— Хорошее предзнаменованіе,—сказаль онъ.—
Когда дотрагиваешься до такой красивой руки, то
является желаніе тронуть сердце.

Она не отвѣчала, думая:

„Все опять окончится пошлостью.“

Она сдѣлалась задорной. Когда ротмистръ протянулъ ей розу исцарапанной рукой, она сказала:

— Кровь! Не проливайте, по крайней мѣрѣ,
ее на мои цвѣты.

— Но кровь прекрасна.

— Нѣтъ, она грязна.

— Я не предполагаль, что можно сказать
это офицеру, у котораго голова наполовину изруб-
лена саблей.

— Она посмотрѣла на него.

„Онъ, въ самомъ дѣлѣ, кажется, очень разсер-
дился. Если бы онъ смѣль, онъ побилъ бы меня.
Чтобы сказать ему, чтобы разсердить еще больше?“

Она ничего не придумала, и наступило про-
должительное молчаніе.

— И онъ тоже умѣеть сдерживать свое вол-
неніе. Я ошиблась. Онъ первый меня не задѣнетъ.
Ахъ! Какъ я устала!

— Въ сущности,—говориль себѣ ротмистръ—
она оскорбила меня. Но это женщина, пусть. Все
же она оскорбила! Необходимо получить удовле-
твореніе.

Ротмистръ оглянулся вокругъ себя. Они нахо-
дились въ уединенномъ мѣстѣ, скрытомъ густой
чащей деревьевъ.

— Корзинка, кажется, полна,—сказаль онъ.—
Вотъ ножницы.

И когда она протянула свою руку, слегка обеспокоенная, несмотря на свою рѣшимость, переменной въ этомъ чловѣкѣ, за которымъ она наблюдала, она почувствовала, какъ двѣ руки опустились на ея плечи, и тотчасъ губы впились въ ея губы.

Исполнивъ актъ отмщенія, вполне ироническаго, ротмистръ освободилъ плечи и хотѣлъ отойти, какъ вдругъ почувствовалъ, что ему со страстью возвращаютъ его грубый поцѣлуй. Съ плеча одна изъ его рукъ спустилась на упругую грудь; другая поддерживала согнутый станъ. Поза въ высшей степени классическая, имѣющая обыкновенно легко предвидимыя послѣдствія.

— Да, да. . . — шептала Берта.

Но со стороны дома послышался голосъ:

— Берта, Берта!

Выпрямившись, она сказала:

— Передъ нами ночь. Пока же молчаніе, холодность и обычная вѣжливость.

Къ великому изумленію хозяевъ, офицеръ ѣлъ и пилъ чрезвычайно умѣренно. Онъ выкурилъ только двѣ папиросы, но выпилъ много кофе. Весь вечеръ его вниманіе было сосредоточено на томъ, чтобы найти тему для разговора, для того чтобы развязать языкъ своихъ собесѣдниковъ. . . Онъ нашель ея довольно скоро, Въ то время какъ они говорили, онъ разсуждалъ.

„Дѣвушка? Любовникъ? Любовники? Невинная? Испорченность? Любопытство? Глупость? Во всякомъ случаѣ, это не шутка. Прежде всего, моя совѣсть. А затѣмъ женитьба. Я запрюсь на замокъ“.

Въ слѣдующее мгновеніе онъ думалъ только

о томъ, что она красива и что она какъ бы отдавалась ему.

„Къ чему раздумье? Почему не сорвать цвѣтокъ по дорогѣ?“

Наконецъ:

„Если я не возьму ее, я буду сожалѣть въ продолженіи двухъ лѣтъ, быть можетъ, всю жизнь“.

Онъ смотрѣлъ на нее спокойно, въ то время какъ она наливала ему чашку чая, и осмѣлился сказать:

— О! не такъ много. Онъ слишкомъ крѣпкій; вы помѣшаете мнѣ спать.

Вмѣсто всякаго отвѣта, она подняла голову, посмотрѣла на него и опустила рѣсницы.

Онъ почувствовалъ, что у него кружится голова. Конечно, это было не первое его счастливое приключеніе, но никогда еще не случалось ничего въ этомъ родѣ. Эта молодая деревенская буржуазка волновала его до крайности. Что за сфинксъ съ рыжими волосами? Онъ представлялъ ее всю бѣлую, похожую на мраморныя статуи, которыя возбуждали въ немъ всегда больше желанія, чѣмъ удивленія.

— Вы будете спать въ оранжевой комнатѣ, — сказала г-жа Бернаръ, которая начинала дремать. — Капризь моей дочери; это она захотѣла отдѣлать ее такимъ цвѣтомъ. Но вы ее уже видѣли. Надѣюсь, что вы будете тамъ хорошо спать.

Послѣдняя фраза показалась офицеру зловѣщей. Вмѣшательство матери заставило его снова колебаться.

Берта, быть можетъ, догадалась о непріятномъ впечатлѣніи, потому что поспѣшно прибавила:

— Оранжевый цвѣтъ — мой. Миѣ кажется, что я не такъ некрасива среди этого пламени, съ которымъ я сливаюсь. Никто никогда не спитъ въ этой комнатѣ, но я часто ухожу туда. Это мой пріютъ.

— И что она тамъ дѣлаетъ, спрашиваю я васъ? — продолжала Г-жа Бернаръ. — Она читаетъ, мечтаетъ, ибо мы немножко мечтательны. Что дѣлать! Молодыя дѣвушки! И я въ ея годы была такая же. Но я любила голубой цвѣтъ.

— Оранжевый цвѣтъ тоже очень красивъ.

— Скажите: самый красивый, — подтвердила Берта. —

— Самый красивый, сказалъ офицеръ.

Онъ ждалъ. Совершивъ туалетъ, онъ, полуодѣтый, курилъ папиросу, рисуя арабески на поляхъ какого-то журнала. Онъ больше ни о чемъ не думалъ. . . Только сердце его переставало биться при каждомъ шорохѣ, хотя бы это была проснувшаяся муха.

Каждыя десять секундъ онъ смотрѣлъ на дверь, Онъ всталъ, чтобы приложить къ ней ухо.

Въ это время коверъ у камина какъ будто отсталъ отъ стѣны.

— Не галлюцинація ли?

Онъ приблизился къ странному ковру, какъ разъ во-время, чтобы принять въ свои объятія Берту.

— Моя комната тамъ, — объяснила она, послѣ того, какъ приняла поцѣлуй и отвѣтила на него. — Попросту — двойной шкафъ въ стѣнѣ, внутреннюю стѣнку котораго я могу передвигать. Сколько разъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ я приходила смотрѣть, тутъ ли ты. Никого не было, никогда никого. И

вотъ ты здѣсь, наконецъ. Будешь ли ты, по крайней мѣрѣ, любить меня?

Видя, что ея слова изумляютъ любовника, она продолжала.

— Пришедшій есть тотъ, кого ожидали. Ты пришелъ, и я принадлежу тебѣ.

Тихо шагая, говоря шопотомъ, они подошли къ краю постели и сѣли.

Прижимая ее къ себѣ, ротмистръ чувствовалъ подъ легкимъ платьемъ красоту молодой дѣвушки. Онъ былъ сильно возбужденъ, растроганъ, но все же нашелъ въ себѣ храбрость сказать:

— Нѣтъ, ты безумный ребенокъ, и я не злоупотреблю этимъ. Если хочешь любить меня, передь нами вся жизнь. Вы говорили въ своей невинности и неосторожности: передь нами цѣлая ночь. Я же говорю: „Передь нами цѣлая жизнь“.

Она положила свою голову на грудь офицера, крѣпко сжимая руки, которыя охватили его шею. Потомъ она откинула свою рыжую голову и съ пылающими, безумными глазами искала его губъ.

— Кто знаетъ, — говорила она, нѣсколько времени спустя, — могли ли бы мы когда-нибудь пережить такую минуту.

Два мѣсяца спустя, оранжевая комната превратилась въ комнату новобрачныхъ.

Они были очень счастливы и часто вспоминали о своемъ приключеніи! Но Берта, я увѣренъ, никогда не созналась мужу въ томъ, что онъ былъ третій офицеръ, для котораго она пробила отверстіе въ стѣнѣ.

